

Камила Соколова

*Прелесть
Армагедда*

Камила Соколова

Нить Ариадны

«Автор»

2023

Соколова К.

Нить Ариадны / К. Соколова — «Автор», 2023

Интервью с русской эмигранткой преклонных лет, посвятившей свою жизнь психологии, поначалу не обещает ничего примечательного. Однако необычный случай из практики стремительно затягивает читателя в водоворот событий. В центре сюжета «Нити Ариадны» история Александры Суворовой, с которой происходит нечто невероятное. Засыпая, она оказывается в Лондоне и начинает проживать другую жизнь. В попытках разгадать тайну происходящего девушка встречается с тремя прекрасными мужчинами, с которыми, как выясняется, была близко знакома в прошлом. Каждый из них — талантливый художник, влюбленный в Александру. Героине предстоит сделать выбор, а читателю — решить, что же в этой истории правда.

© Соколова К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Камила Соколова

Нить Ариадны

Глава 1

Заливистая трель звонка нарушила обстановку сонного дома. Клеопатра Петровна недовольно поморщилась, взглянула на часы и, вздохнув, отправилась встречать гостью.

Стоявшая в холле хрупкая миниатюрная девушка отряхивала снежинки с темных волос и с интересом осматривалась. При виде хозяйки дома она быстро заговорила:

– Клеопатра Петровна?! А я подумала, что женщина, которая впустила меня, это и есть вы. По-моему, я даже немного напугала ее, — рассмеялась она и деловито продолжила: — Марина Шаповалова, журнал «Истории жизни». Мы с вами договаривались о встрече.

Клеопатра Петровна поджала губы и сдержанно произнесла:

– Входите.

– Конечно, как скажете, — с готовностью сказала Марина, но все равно была награждена быстрым колючим взглядом из-под нахмуренных бровей Клеопатры Петровны.

– Проходите в гостиную, пожалуйста, — вежливо и бесстрастно произнесла хозяйка, указывая на большую темноватую комнату.

Марина вошла и сразу наткнулась на небольшую софу, на самый краешек которой она присела, растянув губы в улыбке.

– Итак, журнал, который я представляю, публикует цикл статей о выдающихся русских эмигрантах XX столетия, людях, которые смогли раскрыться, только покинув родину... — Клеопатра Петровна при этих словах чуть заметно приподняла бровь и стала внимательно рассматривать молодую, не по годам уверенную в себе девушку. Она была похожа на маленького взъерошенного воробышка. Это сходство придавали ей короткая растрепанная прическа и небольшой заостренный носик, напоминавший клюв маленькой птички. Марина относилась к типу женщин, обладавших тонкой, спортивной, мальчишеской фигурой. На ее худеньких плечах пузырилась белая сорочка, заправленная в высокие темные брюки, а ноги в модных туфлях нетерпеливо пристукивали по полу. — В этом цикле мы хотим рассказать и о вас. — Она сделала паузу и выжидающе посмотрела на пожилую женщину.

– Я знакома с первопричинами вашего здесь присутствия, — сухо произнесла Клеопатра Петровна. — Если вы не против, я хотела бы начать, тем более что вы опоздали.

– Московские пробки, — развела руками девушка и стала готовиться к интервью. — Я буду записывать наш разговор на диктофон и делать пометки. Вопросы стандартные, но иногда все же могут потребоваться уточнения.

– Интересно, каким стандартом вы руководствовались при составлении вопросов, — язвительно заметила хозяйка, но не очень громко, так, чтобы не услышала девушка, которая проверяла батарейки и емкость памяти в устройстве.

Клеопатра Петровна была раздражена. Она не любила, когда что-то шло не по плану. А сейчас интервью сдвигалось уже на добрых тридцать пять минут. Она сердито посматривала на беззаботную журналистку, сомневаясь в ее профессионализме.

«В этом цикле мы хотим рассказать и о вас... — голосом Марины проговаривала про себя женщина. — Да обо мне вообще нужно было подумать в первую очередь, когда у них появилась идея опубликовать этот цикл статей. Работа в престижном американском университете над новой теорией самоактуализации человека – это тебе не стишки писать или математические формулы доказывать. Это глыба!»

– Ну, вот все и готово, — радостно воскликнула Марина, устраиваясь удобнее на софе горчичного цвета и просматривая список вопросов в блокноте.

Клеопатра Петровна кивнула и опустилась в выдавшее виды кресло-качалку, стоявшее напротив.

– Вы были выдающимся психологом в шестидесятые–семидесятые годы прошлого столетия... — вдохновенно начала Марина, но была прервана:

– Я и сейчас выдающийся психолог.

– Кхм. Конечно. Безусловно. — Девушка снова растянула губы в улыбке, чтобы сгладить шероховатость. — Так вот, — она прочистила горло, — расскажите, с чего начался ваш путь в профессию? В науку? Как вам вообще пришла в голову мысль заниматься психологией, ведь вы врач по образованию?

Женщина только покачала головой. «И кого только сейчас берут на работу? Самоуверенная, бестактная пигалица», — вынесла свой вердикт Клеопатра, а вслух сказала:

– Давайте по порядку. Мне бы хотелось, чтобы обо мне было написано так, как это было на самом деле, а не так, как вам может показаться. Вы ведь человек торопливый, любите сразу делать выводы и руководствоваться ими, не так ли? — Пожилая женщина позволила себе мимолетную улыбку.

– В точку, — рассмеялась Марина. — Откуда вы знаете?

– Я же выдающийся психолог, — ответила Клеопатра, сделав ударение на слове «выдающийся», — глядя на человека, могу все о нем рассказать. Но пока не будем об этом. Вы задали мне вопросы, с них и начнем.

Она откинулась на спинку кресла и немного качнулась, кресло издало слабый протяжный стон.

– В самом деле, у меня диплом врача. Я начала учиться еще здесь, слушала лекции примерно год. Также я тяготела к философии, читала труды Ницше, Канта, Юнга. Читали? — Марина отрицательно помотала головой, а рассказчица вздохнула и продолжила: — Помню, с каким трудом я доставала книги – тогда нельзя было просто пойти в магазин и купить все, что хочется. Однажды мне попался в руки труд Зигмунда Фрейда, его теории в то время становились популярны в России и начинали оказывать влияние на общество. И вы знаете, что? — не дожидаясь ответа, продолжила Клеопатра. — Я пропала. Поняла, что психология – это то, чем мне нужно заниматься!

– Другими словами, вы захотели принимать пациентов и укладывать их на кушетку, — хихикнула девушка.

– Собственно говоря, я имею в виду психологию как науку, которая, кстати говоря, до конца XIX века была частью религии и философии, – чеканя каждое слово, произнесла женщина и указала на стену, где во всю ее ширину расположился массивный стеллаж, загроможденный книгами. Они стояли и лежали вперемешку с бесконечными папками. Сложно было представить, что на такой полке вообще можно было найти нужный материал. Что касается рукописей, то их у Клеопатры Петровны было еще больше. Папки с бумагами, сложенные стопками повсюду, башнями росли подле стола, на полках и даже на небольшом диване, где сидела Марина. Некоторые из листов, исписанных мелким аккуратным почерком, уже пожелтели от времени, другие были еще свежими.

– Видите, сколько научных трудов написано, — Клеопатра указала на книги, — а сколько еще будет написано. — И пожилая женщина картинно развела руками. – Все это мои разработки, которые лягут в основу новой актуальной теории.

– Впечатляет, — сказала Марина и еле подавила зевок. — Кстати, о ваших трудах. Когда нам ждать следующую публикацию? Насколько я располагаю информацией, последняя ваша книга была выпущена, — она порылась в записях, — почти тридцать лет назад... — Теперь

она удивленно взглянула на Клеопатру, а затем перевела недоумевающий взгляд на кипы рукописей.

– Всеу свое время, — сухо ответила Клеопатра Петровна. — Должен возникнуть вакуум, который впоследствии будет заполнен чем-то новым. — То удовольствие, которое Клеопатра Петровна начала испытывать от беседы еще секунду назад, испарилось, и она снова недовольно поджала губы.

– Хорошо, давайте закончим с вашим увлечением психологией, — скучающе сказала Марина и полистала блокнот.

– В то время я не могла получить профессию врача в России. Курсы, которые я прослушала, в научном обществе считались просто развлечением для скучающих дамочек. Поэтому многие уезжали за границу, заключали фиктивный брак, чтобы получить разрешение на выезд, и учились чаще в Цюрихе или Берне... Я тоже так поступила. Для меня это было единственным шансом вырваться из болота и начать заниматься любимым делом. Я уехала в Америку. — И жестом останавливая открывшую было рот Марину, она добавила: — в Америку, потому что теории Фрейда там были очень популярны, а вот в Швейцарии — нет.

– И за океаном вы нашли все, что хотели?

Клеопатра Петровна задумалась на несколько секунд:

– Пожалуй, да. Своеобразная американская мечта сбылась. Я получила диплом врача, работала в Гарварде в первой психологической лаборатории, созданной Уильямом Джеймсом, и занималась психотерапией, специализируясь на психоанализе.

– Одно предложение, и так много слов с приставкой «психо-», — начала было Марина, но сникла под строгим взглядом пожилой женщины.

Клеопатра Петровна не позволяла ни малейшего сарказма в отношении ее труда. Она слишком много сил отдала науке, чтобы позволить кому-либо посмеиваться над этим.

Разрядила обстановку женщина, впусившая Марину, — она принесла поднос, на котором дымился чайник, позвякивали чашки и лежало аппетитное имбирное печенье.

– Ах, Лена. Спасибо за чай. — Клеопатра Петровна взяла чашку уверенной, несмотря на свой возраст, рукой и предложила собеседнице сделать то же самое. — За чаем мы сможем вести диалог более свободно. Неформально, как теперь принято говорить. — Она довольно улыбнулась.

Лена кивнула и попыталась поймать кота, который вслед за ней бесшумно вошел в комнату, но он легко увернулся и ловко запрыгнул на самую верхнюю полку книжного стеллажа.

– Да оставь его, пусть сидит, — махнула рукой Клеопатра. Кот покрутился на своем пьедестале, удобно устроился и уставился на Марину немигающими желтыми глазами.

Пока Клеопатра Петровна, отвернувшись, любовно наблюдала за своим питомцем, у Марины наконец появилась возможность хорошенько рассмотреть женщину. Седые коротко стриженные волосы обрамляли вытянутое морщинистое лицо и едва прикрывали большой лоб. Аккуратные неширокие брови смотрелись на его фоне немного странно. Как будто от удивленного взгляда хозяйки эти самые брови однажды взмыли вверх и остаются там до сих пор. Губы плотно сжаты, кожа бледная и тонкая, словно пергамент. Женщину можно было легко спутать с восковой фигурой или куклой, если бы не темно-карие, живые и блестящие глаза. Одетая она была просто — темные брюки, цветастая блузка и серый вязаный жилет. Единственным ее украшением были очки в темной оправе с золоченой цепочкой, которые она носила, водрузив на голову. Движения Клеопатры Петровны были сдержанными и точно выверенными. «Старая гримза», — успела окрестить ее Марина, прежде чем ее наблюдения были прерваны вопросом.

– Любите котов?

– Да, — сказала Марина, сделав глоток из красивой фарфоровой чашки.

– Чудесно, — расплылась в улыбке хозяйка и поманила кота. — Дигби, иди сюда.

Дигби даже бровью не повел, он был занят наблюдением за девушкой, которая опять зачем-то начала листать блокнот.

– Итак, вы переехали в Америку, ваша мечта сбылась, — бормотала она, — зачем же вы вернулись?

– Захотелось вернуться. Мне спокойней здесь работается.

– Захотелось вернуться... — повторила Марина и недоверчиво пожала плечами. — Бросить все? На пике карьеры?

– Такое бывает, — терпеливо ответила Клеопатра Петровна, — психологические теории жизненного пути. Но я не хочу сейчас в это углубляться. И потом, кто знает, что управляет нами в момент принятия решений – сознание, бессознательное или наше альтер эго, которое сидит глубоко, ожидая особого случая, чтобы раскрыться.

Марина, откровенно скучая, опять пошелестела блокнотом, чтобы занять себя. Альтер эго Дигби подсказало ему, что нужно действовать, и он прыгнул прямо на девушку.

– Ах! – Марина подскочила, задев локтем коробку, стоявшую на самом краю стола. Коробка опрокинулась, из нее посыпались старые фотокарточки, открытки, программки спектаклей и концертов. Девушка смотрела на рассыпавшуюся историю чьей-то жизни...

– Невероятно! — воскликнула она и присела, чтобы собрать содержимое обратно в коробку. — Настоящие музейные реликвии.

Клеопатра Петровна побагровела, но более свои эмоции ничем не выдала, ее лицо осталось неподвижным, и она ровно произнесла:

– Какая вы неловкая. Нужно быть аккуратней.

Марина, перебирая старинные программки, ответила, пожав плечами:

– Так это же кот на меня прыгнул, я тут ни при чем. — А затем восторженно добавила: — Сколько у вас всего. И на концерты есть, и на балет... Фотографии такие наивные и трогательные... — Она добралась до черно-белых выцветших изображений. — А здесь есть вы?

– Едва ли там есть мои карточки. В основном моих пациентов.

Девушка взглянула на обратную сторону фотографии с улыбчивым мужчиной. Широким размашистым почерком по-английски было написано: «Моей Клео, талантливой от Бога».

И тут Марину посетила интересная мысль.

– Клеопатра Петровна, давайте мы разбавим вашу историю с бесконечными приставками «психо-», — при этих словах женщина поморщилась, — историей с чудесным исцелением вашего пациента, напечатаем его фото и благодарственную надпись. Это хорошо разнообразит статью, и людям будет интересней читать.

– Что ж, — медленно произнесла женщина, — возможно, вы правы. Большинство людей мыслят ассоциативно, и пример моей работы будет интересен и прост для восприятия.

Девушка уже не слушала, она перебирала фотокарточки:

– Хотелось бы найти такую, чтобы и человек был колоритный, и надпись на обороте была душевная. Должно же быть хоть что-то интригующее в моей статье.

– Что вы сказали? — не расслышала женщина, покачиваясь в кресле и снисходительно посматривая на девушку.

– Ничего особенного, — тихо ответила Марина, не поднимая глаз от стопки с фотографиями, а потом громко вскрикнула: — Нашла! То, что надо! А на обороте ничего не написано. Жалко!

Клеопатра Петровна надела на нос очки и произнесла:

– Покажите фотографию. Кто вам приглянулся?

Марина протянула карточку с изображением молодой девушки, печально всматривающейся в даль. Подобные позы раньше были популярны в фотосалонах. Девушка была худая, угловатая и немного нескладная. Длинные рыжеватые волосы обрамляли бледное, нервное лицо, на выступающих скулах горел неестественный румянец. Все казалось в ней ненастоящим

— от полуулыбки до тонких рук. Казалось, что можно подуть на фотографию, и эта девушка исчезнет, растворится, как эфир.

– Выглядит, как эльф из сказки, — сказала Марина.

Клеопатра Петровна медленно взяла фотографию. Ее лицо, и без того непроницаемое, теперь стало похоже на маску.

– Интересный выбор, — бесстрастно произнесла она. — Из всех фотографий вы выбрали именно эту.

Она замолчала, долго всматриваясь в фото, а потом медленно перевела взгляд на Марину.

– Любопытно, что за проблемы были у такой девушки? С виду и не скажешь... — Журналистка откинулась на диван и в нетерпении стала притоптывать ногой.

Дигби опять проявил интерес к девушке, лениво подошел и улегся рядом с ее бедром, свернувшись клубочком. Марина хотела отодвинуться, но под взглядом женщины не решилась, наоборот, улыбнулась и погладила кота. Взгляд Клеопатры немного смягчился.

– Хорошо, я расскажу. Только у меня к вам один вопрос. Вы располагаете временем?

– А сколько это займет? – задала встречный вопрос девушка.

– Не знаю, история непростая, – протянула Клеопатра Петровна, потом встряхнулась и живо произнесла: — Над этим случаем я до сих пор размышляю. Пожалуй, пришло время вспомнить о ней, оживить ее. Может, и появится свет в конце тоннеля? – Клеопатра Петровна говорила, явно обращаясь к самой себе, а не к журналистке, ее глаза загорелись, и выражение лица вместо холодного и чудаковатого постепенно стало задумчиво-мечтательным.

– Так сколько нужно времени? – спросила обескураженная такой переменной девушка.

– Не знаю, но обещаю вам, что вы сами не захотите, чтобы я останавливалась, — загадочно произнесла пожилая дама и качнулась в кресле.

Глава 2

Марина тоскливо посмотрела на изящные часики на тонкой руке – подарок ее молодого человека.

– Хорошо, давайте вашу историю. – Девушка даже попыталась улыбнуться. — Я только позвоню и отменю встречу на вечер. – Она поднялась, взяв в руки телефон, и вышла в коридор.

– Дигби, крошка, иди сюда, — позвала женщина потревоженного кота. Он смотрел в сторону двери и недовольно фыркал. – Дигби! – опять позвала его Клеопатра, и кот лениво и неторопливо прыгнул ей на руки, милостиво позволив себя погладить.

Выйдя из комнаты, Марина набрала номер Алика:

– Привет, дорогой, вечером не получится встретиться, застряла на встрече с одной старой каргой, — понизив голос, проговорила она. — Похоже, что надолго. Ты даже не представляешь, как трудно брать интервью у столетних старух с наполеоновскими замашками. — Она рассмеялась. — Пока что-нибудь достойное для статьи выудишь, уйдет не один час. – Марина с нежной улыбкой выслушала, что ей ответил Алик, положила трубку и, бросив на себя оценивающий взгляд в потемневшее от времени зеркало, вернулась в комнату.

– Так, ну и что там с этой девушкой? Можно еще раз взглянуть на фото? – И, не дожидаясь согласия, она взяла фотографию со стола и села на диван.

Клеопатра Петровна убийственно посмотрела на нее, прижала вырывающегося кота покрепче и начала скрипучим старческим голосом:

– Эта девушка пришла ко мне однажды в замечательный летний день. (Теперь настала очередь Марины морщиться. С таким вступлением рассказ может не закончиться и до следующего утра.) — Ее звали... Ах, я не могу назвать вам ее настоящего имени. Врачебная этика. Назовем ее Александра. Александра Суворова. — Марина кивнула и поторопила рассказчицу:

– Пусть будет Александра. Вы продолжайте.

– Я просматривала книгу, кажется, Курта Левина «Теория поля в социальных науках» или «Разрешение социальных конфликтов», не помню теперь, когда в дверь постучала девушка. Та, что запечатлена на фотографии.

Марина снова прервала пожилую женщину:

– Можно и без таких подробностей.

Но Клеопатра Петровна не обратила на ее реплику никакого внимания и продолжала свой рассказ:

– Добрый день, я ищу доктора Васильеву, – сказала девушка.

– Вам повезло, вы ее нашли – это я. – Я отложила книгу и взглянула на вошедшую. На вид ей было чуть больше двадцати, худенькая девочка в милом голубом платьице.

– Я нашла объявление в «Желтых страницах». — Она поднесла к глазам мятый вырванный лист бумаги, который держала в руках, и тихо прочитала: «Доктор Васильева, практикующий врач-психотерапевт: бессонница, депрессии, галлюцинации и т.д.»

– Все верно. Вы пришли туда, куда хотели. — Я ей ободряюще улыбнулась.

– Так вот, — она замялась, — похоже, что мне нужна ваша помощь.

– Присаживайтесь, пожалуйста. — И я указала ей на удобное кресло, которое стояло напротив моего на некотором комфортном расстоянии.

Поколебавшись с секунду, она села на самый краешек с прямой, как струна, спиной и нервно смяла лист с объявлением.

– Я же говорила вам о том, что работала психотерапевтом? – Клеопатра резко сменила тему и посмотрела на Марину, та быстро кивнула. — Мне хотелось получить больше практического опыта, которого у меня на тот момент почти не было. Так вот... — Она слегка нахмурила

брови, будто вспоминая тот день. — Девушка сидела передо мной и молчала. Она страшно нервничала и все время тербила бумажку с объявлением. Я дала ей немного прийти в себя.

– Простите, я не знаю вашего имени, — как можно ласковее сказала я, стараясь не напугать возможную пациентку. Ее щеки окрасил легкий румянец, и она торопливо произнесла:

– Ах, я так невежлива. — Она снова вскочила и представилась: — Александра Суворова.

– Приятно познакомиться, — произнесла я по-русски и спросила: — Вы говорите по-русски?

Она улыбнулась. Сначала робко, будто решала, стою ли я ее улыбки, а потом все шире и шире. И, наконец искренняя и лучезарная улыбка засветилась на ее лице, глаза засияли, а на щеках появились маленькие ямочки.

– Говорю, — произнесла она с сильным американским акцентом, — но не очень хорошо.

– Александра, вы присаживайтесь, не нужно стоять. — Я снова перешла на английский, но она взмахнула изящной ручкой и попросила:

– Пожалуйста, давайте по-русски. После отъезда в колледж я совсем не говорю на русском. А мне очень приятно слышать родную речь.

– Что ж, это самое простое, что можно для вас сделать. — Я улыбнулась и еще раз взглянула на нее: грусть в глазах, нервные движения руками, покусывание нижней губы. И я приняла решение начать эту беседу с адаптационной тактики, над которой в тот момент работала. Она называется «нокаут». Основная задача — это отвлечь нервного пациента от проблемы, с которой он пришел, направить его мысли в другую сторону и позитивно ошеломить его.

– Скажите, что вы думаете о ситуации в Конго?

Пауза.

– Что? Простите, наверное, я не поняла вашего вопроса. — Александра выглядела сбитой с толку.

– Я спросила, что вы думаете о ситуации в Конго? — повторила я, не моргнув и глазом.

Девушка растерялась еще больше:

– Я не знаю. Дело в том, что я почти не читаю газет. А что там случилось? — добавила она после секундной паузы и быстро обвела взглядом комнату.

– Ну хорошо. Если вас Конго не интересует, расскажите, что думаете об азалиях?

– Александра замерла и в немом изумлении смотрела на меня. Вероятно, она думала, что из нас двоих лечить нужно меня, — хмыкнула Клеопатра Петровна.

– Азалии? Не знаю, мне ирисы нравятся больше, — проговорила она, изумленно глядя на меня.

– Прекрасно, — воодушевленно вскричала я, — мне тоже. Вот и договорились! Хотите что-нибудь выпить? — спросила я. — Я, пожалуй, налью себе воды.

– Мне тоже, будьте добры, — попросила девушка.

Я протянула ей наполненный стакан, она обхватила его пальцами и потянула на себя. Я, не отпуская стакан, наклонилась вперед, так, что наши лица оказались очень близко, и тихо спросила:

– Вам кажется, что за вами кто-то следует?

Бам! Нокаут! Она вздрогнула и прошептала, продолжая держать стакан:

– Нет, у меня другое. Мне кажется, что я схожу с ума.

Я увидела страх и одновременно облегчение в ее прозрачных аквамаринových глазах. Признание сделано, я наконец отпустила стакан и откинулась на спинку кресла. Александра судорожно сделала глоток воды.

– Давайте остановимся на этом подробнее, — предложила я. — Расскажите все, что вас беспокоит. По ходу я буду уточнять детали, записывать и задавать вопросы. И только после того, как услышу вашу историю, будет ясно, сходите вы с ума или нет. Александра склонила голову чуть набок, вздохнула и сказала:

– Удивительно, но я даже не знаю, с чего начать. – Она помялась. – Видите ли, я путешествую... во сне.

Признаться, я была готова к более фееричному началу.

– Подобное встречается у многих людей.

– Верно. Но у меня... как бы сказать... У меня другое. Первый раз это со мной случилось пару недель назад. Я была дома, готовилась к занятиям. Внезапно у меня начался приступ мигрени, глаза стали слипаться, тело налилось свинцовой усталостью, и я, еле успев добраться до кровати, крепко заснула.

Она посмотрела на меня, ища поддержки.

– Понимаю, продолжайте, пожалуйста, — проговорила я нейтральным тоном, чтобы не нарушить эмоционального состояния пациентки.

– А проснулась я в Лондоне.

Она напрасно вглядывалась в мое лицо, надеясь прочитать удивление, сомнение или еще что-то. Я – профессионал, мое лицо осталось бесстрастным.

– Открыв глаза, я поняла, что нахожусь в незнакомой мне комнате. Я испугалась, но потом решила, что это просто сон. А чтобы вы подумали на моем месте? – И, не дожидаясь ответа на свой вопрос, продолжила: — Я осмотрелась, комната была довольно большой... точно немаленькой, – добавила она со смехом. – Помню, что на стенах были желтоватые обои, они замечательно светились от солнечных лучей, которые играли в то утро на стене. Комната была обставлена красивой массивной мебелью. Выбравшись из кровати, я обнаружила, что на мне была та же одежда. Это еще раз подтвердило мою догадку о том, что это сон. Я воспользовалась ванной комнатой, поразившей меня своей роскошью, переоделась в свежую одежду, которую нашла в шкафу, и покинула комнату. Помещение, куда я попала, напоминало холл довольно большого дома, снизу доносились голоса людей и позвякивание посуды, а прямо передо мной была широкая лестница, ведущая вниз. Я спустилась и оказалась в столовой, где за отдельным столиком завершали поздний завтрак две леди.

– Вы сказали «поздний завтрак». Из чего вы сделали такой вывод? — я пометила себе кое-что.

– Я взглянула на часы, они как раз располагались напротив двери в столовую. Было начало одиннадцатого, а в окна светило солнце, и я сделала вывод, что сейчас утро, — пояснила Александра.

– Хорошо. Вы упомянули о двух леди, которые также находились в той комнате.

– Да, они поздоровались со мной, извинились за то, что не могут составить мне компанию, так как опаздывают на розовый фестиваль, и ушли. А я осталась одна, позавтракала и вышла на улицу. Больше никто в доме мне не встретился. С наружной стороны двери была табличка «Пансион миссис Лофман. Блумсбери. Лондон».

Она опять посмотрела на меня, ожидая реакции, но я сидела, спокойная, как Будда, и записывала себе в блокнот: «Постоянно тербит бумажку. Ложь или нервы? Лицо покрывается румянцем – волнение!»

– Прошу вас, продолжайте, – сказала я и внимательно посмотрела на нее — если она все придумывает, то сейчас себя выдаст: может быть, поднесет руку к шее или ко рту, как большинство лгунов. Но Александра только быстро моргнула, ее руки остались недвижимы.

– Я была в Лондоне! Меня это невероятно изумило. Почему мне снится Лондон? Если бы Москва или Петербург, я бы поняла, потому что я русская эмигрантка, как вы догадались. Но Лондон? Я там никогда не была, и честно говоря, особенно и не знаю про него ничего. Но то, что я увидела, меня потрясло. Все как наяву, Лондон обрушился на меня своей мощью.

Он гудел и шумел, как огромный улей. Вокруг сновали автомобили и пыхтели красные даблдейкеры, то и дело раздавались возгласы: «Поберегись!» – это громогласные велосипеди-

сты напоминали о себе. Я чувствовала нежный аромат роз, доносящийся из парка через дорогу. Он смешивался с запахом утренней выпечки, корицы и прозрачным, звенящим воздухом.

В небольшую полоску чистого неба пыталось поместиться солнце. Иногда ему удавалось дотронуться лучами до серого камня, в который была затянута улица. Дома от этого сразу подтягивались и становились похожими на бравых офицеров, подмигивающих прохожим яркими дверьми. И даже строгие квадратные окна немного смягчались под утренним солнцем и поблескивали натертыми до идеальной чистоты стеклами.

– Вы помните, что делали там?

– Для начала я отправилась в небольшой парк, точнее скверик, который находился недалеко от пансиона. А дальше весь день бродила по городу, разглядывая витрины магазинов, даже зашла в библиотеку — почитала немного.

– Это чудесно, — произнесла я, — насладились прогулкой по мировой столице. А чувство голода вы в этот день испытали?

– Определенно. На мое счастье, я нашла в карманах платья, которое нацепила утром, несколько монет и потратила их на обед и ужин. — Она помолчала немного, а потом тихо сказала: — Это плохо, конечно, что я потратила чужие деньги, — Александра явно чувствовала неловкость. — Но тогда мне казалось, что это сон.

– Сейчас вы уже так не думаете? — спросила я.

– Сейчас я ни в чем не уверена. Но, если позволите, я продолжу.

Я утвердительно кивнула. Прелюбопытнейший случай. Не хотелось делать предварительных выводов, однако ее рассказ меня крайне заинтересовал. Многого нужно было проверить.

– Так вот, я вернулась в тот пансион уже за полночь. В доме все спали, и дверь была заперта. Тогда я сделала странную вещь — подняла камень в кадке с небольшим деревцем и увидела ключ, которым и открыла дверь. Мне откуда-то было известно, что ключ должен быть там. Я очень устала за день и хотела поскорее лечь в кровать, тем более что у меня снова начался приступ мигрени. Поэтому я отправилась напрямик в свою комнату и, быстро раздевшись, сразу же заснула.

– Что же дальше? — Мне было искренне любопытно.

– А дальше я проснулась у себя дома и подумала о том, какой же это был странный и долгий сон. Однако, взяв в руки утреннюю газету, я увидела, что число было другое.

– Число другое? — переспросила я.

– То есть дата другая. Я заснула шестого июня, а проснулась восьмого.

– А куда делось седьмое июня? — не поняла я.

– В том-то и дело, что я его проспала... кажется. — Она сделала глоток воды, ее пальцы дрожали.

– Возможно, — произнесла я задумчиво, — все возможно. Это все, что вы хотели рассказать?

Она отрицательно покачала головой:

– Нет, не все. Спустя пару недель ситуация практически повторилась. Я была дома и уже готовилась ко сну, как опять почувствовала боль в висках, снова навалилась эта усталость, хотя еще десять минут назад ее не было. Я легла и через мгновение заснула.

– Где вы проснулись утром? — спросила я, набрасывая себе план вопросов.

– Опять там же.

Я вскинула на нее глаза:

– В Лондоне?

– Да. И в этот раз я пробыла там два дня. Не буду подробно останавливаться на утреннем туалете, лишь скажу, что снова воспользовалась одеждой из шкафа. Уже будучи опытной, я проверила карманы — они были пусты, тогда пришлось поискать в ящичках туалетного столика, там оказалось несколько фунтов. Я могла позволить себе весьма роскошно провести время, —

уныло сказала Александра. — Знаете, меня охватило такое чувство одиночества при виде этой лондонской комнаты и страх, даже ужас, от того, что сон повторяется. Мне не хотелось подниматься, хотелось спрятаться под одеялом в надежде, что все вот-вот закончится. Но ничего не происходило. Я спустилась в столовую, где снова не успела к общему завтраку. На отдельном столе располагались еще теплый чайник, несколько булочек, сливочное масло и джем. Я неловко махнула рукой, и чашка полетела на пол, я наклонилась, чтобы поднять ее, как вдруг увидела... Как бы это объяснить, — она и сейчас взмахнула рукой, чтобы окрасить свой рассказ, — увидела себя со стороны... нет, не так. Почувствовала, что я уже видела подобное... падающую чашку в этой комнате и свою руку, которая поднимает ее, словно дежавю, понимаете?

– Да, — медленно сказала я, — вам во сне показалось, что вы были в той комнате раньше.

– Не просто была, — Александра говорила сбивчиво и быстро, — я уже роняла чашку на тот зеленый ковер. Но когда это было, я не знаю. — Ее лоб прорезали несколько морщинок. — А потом я опять бродила по улицам. И знаете, ведь ни разу не заблудилась. Я не спрашивала дорогу у прохожих, не пользовалась картой, но каждый раз знала, куда нужно свернуть на перекрестке. Просто удивительно.

– Удивительно, — согласилась я с ней. — Случилось ли во второе ваше пребывание в Лондоне что-то отличное от первого?

– Да. Я бродила по улочкам Сохо и увидела галерею. В этом районе Лондона их много. Но здесь меня привлекли витрины: на одной из них были выставлены репродукции картин Милле, Россетти и Ханта, а на другой работы неизвестного мне современного художника Джефа Горинга. Вы знаете, мне очень нравятся прерафаэлиты. Я не особенно разбираюсь в искусстве, но картины этого братства и их последователей меня завораживают. — Она посмотрела на меня прозрачными сине-зелеными глазами, и меня осенило. Я поняла, кого она мне напоминает, и неприятное чувство, когда видишь знакомое лицо и не можешь вспомнить, откуда оно так знакомо, исчезло. Я видела ее в картинах прерафаэлитов. Конечно! Пожалуй, «Леди из Шалот» Джона Уильяма Уотерхауса подходит больше всего. Такая же печальная, как и волшебница Шалот, которая плывет к своему любимому Ланселоту, зная, что умирает. Я не интересовалась картинами, но про прерафаэлитов слышала, потому что в нашем университете был один англичанин, превосходный физиогномист, профессор Фицпатрик. Он любил читать лекции, используя картины в качестве примеров. А как известно, англичане признают только английскую живопись, вот и он частенько обращался к репродукциям художников, входящих в братство прерафаэлитов. — Я вошла в галерею, — продолжала девушка, — она была современной — со светлыми большими залами и высокими потолками. На стенах висели работы Джефа Горинга. Я прошлась по залу и осмотрелась — в основном пейзажи, но было и несколько портретов. Современная школа, не особенно в моем вкусе, но было довольно интересно.захотелось остановиться у одной картины. На ней бушевало темное море, яростно разбивая волны о скалы. И только несколько желтоглазых чаек летали в небе, не боясь гнева стихии. Вдруг за моей спиной раздался голос:

– Александра?!

Я подпрыгнула от страха и неожиданности. Кто мог знать меня в Лондоне?

– Ну, если это сон — то возможно все, — улыбнулась я девушке, видя, что глаза ее заблестели от внутреннего напряжения.

– Да, согласна. Но тут... Расскажу до конца. Я резко повернулась и увидела молодого человека.

– Опишите его, — попросила я.

– Так, — задумалась девушка. — Высокий, широкоплечий, рыжебородый, с россыпью веснушек на лице, глаза светло-карие, недобрые, нахмуренные брови. Викинг, одним словом. Хотя одет очень элегантно, правда, с оттенком легкой небрежности.

– Напомнил ли он вам кого-либо из ваших знакомых? Родственников?

– Нет. Решительно никого. – Девушка отрицательно качнула головой и продолжила рассказ.

– Александра, что ты здесь делаешь? – Молодой человек навис надо мной, как огромная скала, и по его тону было понятно, что он не настроен на светскую беседу.

– Я... – пролепетала я, — просто зашла в галерею. Проходила мимо.

– Просто зашла?! Как прикажешь это понимать? Ты же обещала, что больше никогда не появишься в моей жизни! А теперь – проходила мимо! – Он говорил тихо и со злостью, четко выговаривая каждое слово.

Я совершенно не ожидала такого поворота событий, и теперь никакие слова не приходили в голову. Наконец я пискнула:

– Мы знакомы?

После этих слов он будто беззвучно взорвался. Его губы сжались в тонкую полоску, а голос стал еще тише:

– Что за балаган? Что за новое представление ты разыгрываешь?

Мне хотелось объяснить ему, что он ошибся, обозначился, и я точно не та Александра, на которую он был так зол. Но вместо этого я спросила:

– Скажите, ваше имя – Джеф?

– Почему вы решили задать ему этот вопрос? — спросила я, внимательно глядя на пациентку.

– Я не знаю, — пожала плечами девушка. – Слова вылетели как-то сами по себе.

– Как он отреагировал?

– Разозлился еще больше. Мне показалось, что он собирается сказать мне нечто ужасное, но я не стала слушать и убежала, — проговорила Александра и снова сделала глоток воды.

Я пометила в колонке «волнение».

– Ясно. Были еще инциденты?

– В тот день — ничего. Я снова вернулась в пансион, легла спать и там же проснулась на следующий день.

– Болела ли голова у вас вечером? Чувствовали ли вы усталость, как описывали ранее?

– Нет, — она отрицательно качнула головой, — ничего подобного не было. Я снова спустилась к завтраку и увидела уже знакомых мне двух леди. Они приветственно махнули мне.

– Вчера я присмотрела для своего садика замечательный сорт чайной розы, называется «Александра», — сказала одна из них. Я вздрогнула, а она улыбнулась мне и добавила: — Похоже, теперь это имя весьма популярно. — Дама подхватила свою компаньонку под руку, и они обе покинули комнату.

– Любопытно. Вы помните, что делали в тот день?

– Помню прекрасно. Я снова отправилась в галерею в Сохо, чтобы отыскать Джефа, попытаться разобраться, что же на самом деле происходит. Но когда толкнула дверь и вошла внутрь, поняла, что его нет. Такому могучему молодому человеку негде было спрятаться. Я испытала разочарование. Мне очень хотелось увидеть его, хотя было ясно, что шансов у меня немного. Зачем кому-то ходить на одну и ту же выставку два дня подряд? Пройдясь по экспозиции еще раз, я заметила, что почти на всех работах висели ярлыки «продано». Работник галереи наклеивал такой же красный ярлык на одну из работ. Он сопел, старательно располагая стикер ровно посередине рамы. Когда я подошла ближе, он вопросительно взглянул на меня. Но мне было немного страшно заговорить с ним. Тогда он важно поправил клетчатый жилет и спросил:

– Чем могу помочь, мэм?

– Я просто смотрю. Вы многое продали, — сказала я, указывая на картины с красными ярлыками.

– Да, этот Джеф Горинг чрезвычайно моден в этом году. Он, конечно, бесспорный талант. Но, я думаю, это его, кхм, «образ» больше притягивает покупателей. Точней, покупательниц. — Мужчина хрипло рассмеялся, и его клетчатый живот заходил ходуном.

– Джеф... Джеф Горинг... Выставка Джефа Горинга... — бормотала я, и мысль о том, что вчерашний молодой человек и художник – это одно лицо, пришла мне в голову. – Послушайте, а как выглядит Джеф Горинг?

Работник галереи посмотрел на меня так, будто я с небес свалилась, взял со стола утреннюю газету и показал мне фотографию из отдела светской хроники. На ней красовался вчерашний рыжебородый мужчина, крепко обнимая миниатюрную брюнетку и широко улыбаясь.

– Прошу вас, расскажите все, что знаете о нем, – взмолилась я.

Он секунду раздумывал, потом подмигнул мне и спросил:

– Что, тоже попали в сети мистера Горинга? – Я не поняла, о чем он, но закивала в знак согласия. — Джеф Горинг – один из самых привлекательных холостяков Великобритании. Богат, наследник большого состояния, талантлив, член братства художников «Барра». Знаете, как раньше были прерафаэлиты. Он их большой поклонник, поэтому на одной из витрин вы можете увидеть репродукции Милле, Ханта и Россетти. Таким образом художник хотел показать связь времен, возрождение техники исполнения и поклонение женщине — как главному столпу бытия. – Работник говорил, словно зачитывал аннотацию к каталогу картин Джефа Горинга. – В этом зале вы можете оценить пейзажи с острова Барра, где живет художник... – И, понизив голос, добавил: – Когда не прожигает жизнь в Лондоне. — Он хитро посмотрел на меня, оценивая, насколько эта информация впечатлила меня.

– Барра, Барра, – зашептала я. И спросила уже громче: — А что он там делает? Я имею в виду, где он работает?

Он неприятно засмеялся, и его лицо без подбородка приобрело красный оттенок.

– Да зачем же ему работать? Ему же принадлежит половина этого острова. Я бы тоже не работал на его месте, – мечтательно проговорил служащий. Потом спохватился, снова стал серьезным и продолжил: — А в том зале есть портреты. Взгляните. Продаются все, кроме тех нескольких картин, на которых изображена блондинка. По-моему, с ней у Горинга было что-то серьезное, раз он не хочет продавать эти полотна, – доверительно сообщил мужчина.

Я прошла в следующий зал и нашла картину, на которой светловолосая девушка брела по берегу моря. Волны ласково лизали ее босые ноги, ветер разметал волосы, а над головой кружили чайки. Небо было фиолетово-темным, но его многообещающе пронизывали желтые лучи солнца.

Служащий, который, оказывается, шел за мной, удивленно произнес:

– Вот это да! Так ведь это вы, мэм. На картине, я имею в виду. Ведь это же вы нарисованы.

Мне стало не по себе от его слов. Как такое возможно? Я присмотрелась к картине – действительно, девушка на берегу была очень похожа на меня, и все же что-то неуловимое отличало ее от меня.

– А как называется эта работа? – спросила я у служащего.

– «Неподражаемая А.», — прочитал он название на табличке рядом.

– Неподражаемая А., — повторила я за ним следом. — Она тоже на Барра написана?

– Определенно, — подтвердил служащий и хотел еще что-то добавить, но в галерею стали заходить люди, и он был вынужден покинуть меня.

Погруженная в свои мысли, я побрела по улицам Лондона, неведомо откуда безошибочно зная, куда мне нужно свернуть, а когда женщина спросила дорогу до Оксфорд-стрит, я без всяких колебаний ей помогла. В этот момент пришло осознание, что я сошла с ума, потому что ориентируюсь в Лондоне, незнакомом мне городе, лучше, чем в любом другом. Больше объяснений нет и быть не может. Если прибавить к этому Джефа, художника из братства «Барра», девушку с картины – точную мою копию, ключ в кадке... – Она грустно посмотрела на меня,

ее щеки покрылись румянцем, а глаза заблестели от слез. – У меня шизофрения, наверное. Или раздвоение личности?

– Ну-ну, не стоит так волноваться. Мы во всем разберемся. Это конец вашего путешествия? – Я старалась излучать уверенность.

– Почти. Осталось еще совсем немного, о чем стоит рассказать. После такого откровения я совсем растерялась, плелась по улице, запнулась за булыжник и упала, разбив колени. Было больно по-настоящему, и текла кровь. Я увидела через дорогу паб, зашла туда, чтобы вымыть испачканные руки. На одном из столиков лежала забытая кем-то утренняя газета. Я полистала ее, не знаю зачем. Наверное, хотела найти объяснение всему происходящему, но в этот раз нить Александры мне не помогла.

– Что такое «нить Александры»? – удивилась я.

– Эта такая игра. Мы очень любили играть в нее в детстве. Вообще она называется «Нить Ариадны». Суть заключается в следующем: нужно взять длинную бечевку, завязать на ней много узелков и загадывать на каждый узелок загадку, чтобы играющий отгадал, о каком предмете на самом деле идет речь. Победитель – тот, кто использует наименьшее количество узелков. Мне всегда неплохо удавалось угадывать, и родители прозвали эту игру «Нить Александры». А про историю Ариадны, которая дала клубок ниток своему возлюбленному, чтобы он нашел путь из лабиринта, вы наверняка знаете?

– Интересное сравнение. — Я строчила в блокнот все, что говорила девушка. Здесь будет о чем поломать голову, и обязательно нужно проконсультироваться с профессором.

– Я же говорила, что практика моя только начиналась, и у меня не было достаточного опыта, чтобы однозначно поставить правильный диагноз. — Клеопатра Петровна мерно покачивалась в своем кресле. Дигби смилостивился и заснул на руках старой женщины. Ее корявые пальцы любовно гладили кота и почесывали его за ушами, отчего Дигби негромко мурлыкал.

Марина тоже писала в блокноте. Она утомилась и хотела скорей покинуть этот затхлый, утопающий в кошачьей шерсти дом.

– И какой диагноз вы ей поставили? Шизофрению? – нетерпеливо спросила Марина.

– Такой серьезный диагноз нельзя поставить только на основании рассказа пациента. — Клеопатра Петровна подняла вверх указательный палец. — Пусть рассказ даже фантазийный или галлюцинаторного типа, и его можно диагностировать как продуктивную симптоматику, но нужно проверить негативную симптоматику и когнитивные нарушения.

– Что проверить? – переспросила Марина.

– Как человек ведет себя – апатичен ли он, не нарушены ли у него мышление, восприятие, внимание, – объясняла женщина, — нужно выяснить про наследственные расстройства, депрессии, перепады настроения. . .

– Понятно, понятно. — Марине не хотелось углубляться в эти дебри. — И что дальше?

– Подобный вопрос я задала и Александре. Она продолжила свой рассказ:

– Так вот, я сидела в пабе и просматривала заметки в газете, когда к столику подошла девушка с огненно-рыжими волосами, подстриженными по последней моде. Для этого времени суток на ее лице было слишком много косметики, а платье – явно на пару размеров меньше, чем следовало бы.

– Алекс, — прошептала она. – Вот так встреча! Джеф сказал, что видел тебя вчера в галерее, а я не поверила. А ты и впрямь снова здесь.

– Вы обознались, наверное. Я не понимаю, о чем вы.

– Ну конечно, не понимаешь. Быть бедной овечкой не твое, Алекс. Смотрится нелепо и комично. – Она возвышалась надо мной, уперев руки в пышные бока. Я больше ничего не говорила ей. Она была настолько уверена в собственной правоте, что убеждать ее не имело никакого смысла. Возможно, она наговорила бы мне еще гадостей, если бы ее не окликнул официант. Тогда я машинально схватила газету и быстро покинула паб. Наступил вечер, я снова

пришла в пансион, поднялась в комнату. Начался приступ мигрени, глаза стали слипаться, и я, почувствовав неодолимую усталость, упала в кровать и заснула.

– Что вы увидели, когда открыли глаза?

Александра пожала плечами:

– Свою комнату. Я проснулась у себя дома. Наверное, стоило бы обрадоваться этому, но воспоминания о Лондоне были такими реальными... Я открыла «Желтые страницы» и нашла вас.

Клеопатра Петровна посмотрела на Марину:

– Вот с такой любопытной историей пришла ко мне Александра. Мне очень захотелось помочь ей.

– Мне кажется, она относится к такому типу женщин, которые совсем не приспособлены к жизни, – пренебрежительно заметила журналистка, поглядывая на фото Александры, — подобные женщины побуждают окружающих испытывать острое желание оградить их от трудностей, опекать их. Они не способны сделать ничего самостоятельно...

– Возможно, так и есть, — заметила Клеопатра Петровна. — Однако разве мы не говорим о женском начале, как о чем-то хрупком, хрустальном? В Александре все это было. Загадочная девушка Луна.

– Точно, далекая и холодная, как луна, — тихо пробормотала Марина, так, чтобы не услышала собеседница.

– Когда приходят такие пациенты, первое, что необходимо сделать, – это исключить «патологического лгуна». Это такой тип людей, которым не хватает внимания, они придумывают разнообразные истории и посещают бесконечное количество докторов. Я попросила кратко рассказать Александру ее историю, но в обратном порядке. Она ни разу не запнулась, потом я задала ей несколько уточняющих вопросов, предполагающих ответ «да или нет» по тем записям, что делала. Лгуны не любят прямых ответов и начинают пространно объяснять или подробно рассказывать. Все ответы девушки подтвердили то, что ее рассказ не был ложью. А что это было на самом деле, предстояло выяснить.

– Александра, что за препараты вы принимали в последнее время?

– Совершенно ничего, — она пожала плечами, — даже витамины не пью.

Я сделала пометку.

– Что-то новое появилось в вашей жизни? Цветы? Продукты питания? – Опять отрицательный ответ.

– Ваши «английские путешествия» происходят исключительно ночью?

– Получается, что начинаются они ночью и продолжаются сутки, а второй раз даже двое суток.

– Про первый раз я поняла, что вы потеряли дату. Во второй случилось то же самое?

Она кивнула, потом подняла полы юбки, и я увидела разбитые колени.

– Я говорила, что упала и запнулась, – сегодня утром обнаружилось, что они и вправду разбиты, как и вчера в моем сне. – Я дотронулась до ранки, чтобы осмотреть ее. Она действительно была свежая. Кожа у Александры была алебастрово-белая и прохладная. – А еще вот что. – Она открыла сумочку и достала газету TheTimes от 18 июня.

– Вчерашняя, — медленно произнесла я.

– Да, это та газета, что я прихватила из паба, — вторя мне, произнесла Александра и добавила: — Откуда она у меня, если все это просто сон?

Я думала, что версия с коленками очень простая – лунатизм. Но появление газеты обескуражило меня. «Если газета утренняя, то, учитывая разницу во времени, ее запросто могли доставить самолетом», — размышляла я и поняла, что из психоаналитика начала превращаться в инспектора.

Клеопатра Петровна опять качнулась в кресле, и оно жалобно заскрипело.

- В самом деле, откуда взялась газета? – недоумевая, спросила Марина.
- А как вы думаете? – Женщина хитро посмотрела на девушку.
- Я думаю, что друзья привезли ей эту газету, а она совершила преступление и таким образом решила получить алиби.
- Вам бы детективы писать, – засмеялась женщина, и Марина надула губы.
- Но, действительно, ваши слова не лишены логики, – сказала Клеопатра. А потом торжественно добавила: — Вот это и был первый узелок с загадкой, который мне предстояло разгадать.

Глава 3

Марина подавила в себе желание бросить что-нибудь тяжелое в сидящую напротив нее женщину. Она не любила становиться объектом насмешек, пусть даже невинных и забавных.

– А вы занервничали. Не выносите никакой критики в свой адрес, — заметила Клеопатра Петровна.

– С чего вы взяли? – Девушка вскинула подбородок.

– Ручка резко заплясала в ваших пальцах. – Марина перевела взгляд на руку, которая крутила ручку, и прекратила движение. – А еще на ваших щеках выступил едва заметный румянец. Но это сложно контролируемый процесс...

Девушка растерянно дотронулась до щеки.

– Не буду отпираться, если все написано на моем лице, — пробурчала она. – Давайте вернемся к вашему рассказу. Как вы решили поступить дальше?

– Я в первую очередь назначила ей две вещи: успокоительные таблетки и визит ко мне на следующий день.

– И вы просто так отпустили ее?

– Конечно. Мне нужно было привязать ее к стулу? Душевнобольных, которым нужна незамедлительная помощь, видно сразу. У Александры наблюдались все признаки нервного расстройства, и таблетки, которые я выписала, должны были помочь ей снять напряжение. — Марина недовольно фыркнула, а Клеопатра Петровна, сделав вид, что ничего не заметила, продолжала: — В тот день у меня было еще несколько пациентов, и я на время перестала думать об этой удивительной девушке. Но вечером, после работы, мои мысли вернулись к ней. Я даже не смогла сосредоточиться на докладе.

– Почему? Ее случай чрезвычайно заинтересовал вас?

– Ее история, безусловно, взбудоражила меня. Но тут другое – она потрясла меня... как женщина.

– О! – только и сказала Марина.

– Да. Она была невероятной. Хотелось без остановки смотреть на нее, как на идеальное произведение искусства. Я помню, с каким изяществом она двигалась. – Клеопатра Петровна взмахнула своей большой ладонью, но это вышло мужеподобно и резко.

– Это все чудесно, — торопливо сказала Марина, стараясь вернуть рассказ женщины к сути. — И что? На следующий день она пришла к вам?

– Пришла. Выглядела она немного лучше. Нервозность, которая еще вчера сквозила во всех ее движениях, заметно убавилась. Она сказала, что спала всю ночь.

Так начались наши встречи. Александра приходила ко мне каждый день после учебы. С первого сеанса мы приступили к исследованиям. Я задавала вопросы, проверяла признаки когнитивных нарушений – память, речь, восприятие, управляющие функции, такие как планирование и организация деятельности. По окончании последующих сеансов я убеждалась, что каждый из возможных признаков соответствует норме. Постепенно мы перешли от тестовой диагностики к психоанализу и кушетке. Я просила Александру рассказывать о своих снах, о воспоминаниях детства, о родителях. Она закрывала глаза и говорила обо всем, что в этот момент приходило ей в голову. А я сидела в кресле напротив и, признаюсь, рассматривала ее, словно шедевр. Воистину она была неотразима.

– Что она говорила? – Марина немного удивленно смотрела на странную женщину, она не ожидала от нее подобного восхищения кем-либо, кроме как собственной персоной.

– У нее было счастливое американское детство. Единственное, что отличало ее от сверстников, это то, что она говорила по-русски и читала русских классиков. Мама учила ее играть на пианино, и они проводили много времени вместе, положив руки на черно-белые клавиши. Ее

сны были мечтательными и романтичными, никакой агрессии, никаких кошмаров. Я не могла найти зацепку, чтобы вытащить на поверхность детские травмы. Однако еще оставалось проверить несколько важных теорий: лунатизм, мигренозные галлюцинации, а также внешние факторы, которые могли вызывать видения. Незадолго до этого я читала большую статью об эксперименте советских ученых. Они помещали абсолютно здоровых людей в комнату, где сначала была абсолютная тишина, а через некоторое время начинал работать вентилятор. Так вот, в этом шуме работающего вентилятора люди слышали голоса, некоторые — диалоги на разных языках, а у некоторых даже были странные видения. В статье говорилось, что нечто подобное было с Жанной Д'арк. Первые голоса она слышала в поле, где неподалеку работала мельница. Тринадцатилетняя девочка лежала в траве, не видя саму мельницу, а только слыша шум от работы лопастей. Именно в эти моменты к ней приходили видения и голоса архангела Михаила и святой Екатерины Александрийской предрекали ей возглавить французскую армию.

Может быть, и у Александры рядом был какой-то предмет, который мог оказывать воздействие на ее мозг и вызывать видения галлюцинаторного типа. Поэтому я решила действовать нестандартно, намереваясь отправиться к ней домой, чтобы самой осмотреть квартиру на предмет подозрительных вещей.

На следующее утро я неторопливо шла по залитой солнцем улице. На рассвете все мостовые были облиты водой и теперь в лучах солнца сверкали, как начищенные сапоги. Легкий ветерок развевал флаги на крышах аккуратных, утопающих в зелени домов. Сладкий настойчивый запах гиацинтов разливался по городу. Я шла, улыбаясь сама себе, предвкушая завтрашний семинар, посвященный теме «Самоактуализация человека в американском обществе», которая тогда меня очень интересовала. Я готовила доклад и немного волновалась: было непривычно выступать перед большим количеством людей. Известный английский ученый Лукас Стоун был приглашен на этот семинар, и мне не терпелось послушать его доклад. Я познакомилась с ним не так давно, и он меня поразил своими научными достижениями. Также краем уха я слышала, что он еще и художник. Мне не терпелось спросить у него, как можно так продуктивно работать в столь разных направлениях. Наконец я остановилась перед нужным мне домом, сверила еще раз адрес и позвонила в дверь, выкрашенную синей краской. Через несколько секунд мне открыла дверь Александра, она улыбалась, на ее бледных щеках играл румянец.

– Клеопатра, входите. Мне нужно вытащить печенье из духовки, а то оно сгорит. — И она побежала в кухню, ее юбка нежно-розового цвета закружилась от движения, обнажая албастровые лодыжки.

Я вошла, осматривая квартиру. Она была небольшой — всего с одной спальней, но очень уютной и опрятной. Пока Александра возилась на кухне, было время внимательно осмотреть все растения в доме. Наблюдались случаи, когда от запаха экзотического цветка люди впадали в состояние опьянения. Но никаких странных цветов я не нашла — только две обычные фиалки. Следующим на очереди оказался осмотр книг. Основную массу составляли книги университетской программы, было несколько штук на русском языке, а восточных книг, какие были сейчас в моде у молодежи, не было вообще. Я задумалась: мне необходимо было просмотреть личные вещи — блокноты, тетради, дневники. Но как сказать об этом девушке? В этот момент в гостиную вошла Александра, неся на подносе дымящиеся чашки с чаем и ароматное печенье в вазочке.

– Садитесь, пожалуйста. — Она указала на небольшое коричневое кресло и сама села в такое же. — Клеопатра, я ждала вас, как самого дорогого гостя. — И она рассмеялась чистым хрустальным смехом. — Не знаю почему, но общение с вами вселяет в меня уверенность, что я вполне нормальный человек и скоро совсем забуду о тех страхах, что у меня были.

– Приятно слышать. Мы, конечно, во всем разберемся. Я просмотрела ваши книги, — она кивнула в знак согласия, — но этого недостаточно, мне нужно просмотреть ваши личные записи — блокноты, дневники...

– Конечно, я все понимаю, давайте я покажу бумаги, что у меня есть. — И, не дожидаясь моего согласия, она легко вскочила и подбежала к письменному столу. — Вот здесь все, включая ноты и университетские записи.

– Отлично, давайте посмотрим их вместе.

И мы методично начали просматривать тетрадь за тетрадью. Я вчитывалась в мелкие записи, наброски на полях, рассматривала рисунки, сделанные машинально в период задумчивости. Я обратила внимание на то, что почерк везде был одинаков — округлый, мелкий, аккуратный, без изменений в размере, наклоне, не было небрежности, которая появляется у нас, когда мы торопимся. Такое возможно, если обладатель почерка уравновешенный и весьма уверенный в себе человек. Я взглянула на Александру, она открыто улыбнулась мне.

– Здесь есть кое-что еще.

И она протянула мне толстый старинный блокнот. Его черную обложку украшал герб царской России. Страницы пожелтели от времени и хрустели в моих пальцах. Я пролистала несколько страниц, многие из них были исписаны твердым размашистым почерком, в основном на кириллице и еще на каком-то незнакомом мне языке. Были там и рисунки людей, напоминавших индейцев или эскимосов.

– Это блокнот моего деда. Он достался мне по наследству. Вы знаете, я никогда не видела своего дедушку. Родители практически не говорят о нем. — Я хмыкнула, увлеченная изучением блокнота. Мне показалось странным, что некоторые страницы были плотнее остальных, в остальном ничего необычного. Александра продолжала: — Папа остался круглым сиротой в младенчестве, и его взял на попечение дальний родственник. Это и был мой дед, у него была своя дочь — моя мама. Она была красавицей, и, конечно, дед желал для нее более выгодной партии, чем мой папа. Но они полюбили друг друга и сбежали в Америку. Несмотря на разногласия, мама любила своего отца и перед тем, как сбежать, стащила у него этот блокнот. Она часто видела его с ним и догадывалась, что он ценен для него. А ей так хотелось увезти в далекую страну его частичку. Ночью она прокралась к деду в спальню, взяла ключ, чтобы открыть стол, и забрала блокнот. Этой же ночью они с папой сбежали. Вот такая романтическая история, — опять рассмеялась она.

– И ваш дедушка не делал никаких попыток найти вашу маму? — спросила я, немного удивленная.

– Я не знаю, — пожала плечами девушка. — Как я говорила, родители не распространяются на эту тему. Несколько месяцев назад мама отдала блокнот мне, сказав, что теперь он мой, а она не в силах его хранить. — Я вопросительно взглянула на нее. — Наверное, она очень скучает по отцу и немного жалеет, что сбежала вот так, не попрощавшись. А блокнот служит напоминанием об этом.

Я склонна была согласиться с этой теорией, а потом спросила:

– А чем занимался ваш дед? Здесь рисунки и записи на иностранном языке...

– Я не знаю точно, возможно, исследователем. Однажды я слышала от мамы что-то о Русском географическом обществе.

– Понятно, — кивнула я и захлопнула блокнот.

Мы еще осмотрели кухню, где я даже заглянула в холодильник, но и здесь ничего подозрительного не обнаружила. Мы условились, что через несколько дней я навещу Александру еще раз, а пока она будет продолжать приходить ко мне по графику, который мы составили для нее ранее.

Спустя несколько дней я ждала Александру у себя в кабинете и читала газету, которую не успела просмотреть утром. Главной новостью было окончание путешествия Алена Бомбара, удивительного человека. Я не могла оторваться от статьи.

«Ален Бомбар – человек, который потерпел кораблекрушение по своей воле.

Ален Бомбар – французский врач и отчаянный человек. Почти два месяца назад в качестве научного опыта, используя разработанные им самим методы выживания для потерпевших кораблекрушение в открытом море, он в одиночку пересек Атлантический океан от Канарских островов до острова Барбадос, преодолев 2375 морских миль (4400 километров) за 65 дней. В пути этот удивительный ученый питался пойманной рыбой и планктоном. На момент окончания эксперимента Бомбар похудел на 25 кг. Ему еще предстоит полное обследование, но сейчас точно можно сказать, что у него серьезное расстройство зрения, ногти на пальцах ног выпали, вся кожа покрылась сыпью и мелкими прыщами.

Его организм обезвожен и предельно истощен, но он достиг берега. Исследователь пересек под парусом Атлантический океан на надувной резиновой лодке, сконструированной по образцу спасательных плавсредств и снабженной лишь стандартным набором для потерпевших кораблекрушение и неприкосновенным запасом продуктов, сохранность которого была официально засвидетельствована по окончании эксперимента.

«Жертвы легендарных кораблекрушений, погибшие преждевременно, я знаю: вас убило не море, вас убил не голод, вас убила не жажда! Раскачиваясь на волнах под жалобные крики чаек, вы умерли от страха» – так заявил он перед началом эксперимента. Ален Бомбар считал, что человек вполне в состоянии перенести одиночное трансокеанское плавание без еды, и доказал это лично».

Потрясенная, я отложила газету. Вот это сила духа! Можно только позавидовать. Я еще раз взглянула на фотографии этого с большой буквы Человека. На первой фотографии он улыбается, машет, полный жизни и энергии. А на другой фотографии его, изможденного, вынимают из лодки врачи скорой помощи. Подумать только, 65 дней без еды и воды в открытом море! Я перечитала статью еще раз и задумалась над словами Алена Бомбара, сказанными им перед экспериментом. Большинство людей в море погибают от страха... Страх... И тут меня осенило: от страха у людей возникают галлюцинации, видения. Каждый шорох превращается в грохот, а если человек уверен, что вот-вот случится самое страшное, то возможны и обморочные состояния, и приступы паники, при которых человек реально бежит от опасности, совершенно ничего не помня об этом позже. Могут быть падения, травмы (к слову о разбитых коленях), о происхождении которых пациент не имеет ни малейшего представления.

И хотя все сны, о которых Александра поведала мне, были теплыми и мирными, а различные тесты и маркеры психического состояния подтверждали, что она была спокойным уравновешенным человеком, состояние, в котором она пришла ко мне в первый раз, доказывает, что есть нечто, напугавшее ее. Нечто, чего она боится, но прячет это чувство настолько глубоко, что сама не знает об этом. Только ее бессознательное Я владело этой тайной.

– Чего же она боялась? Вы выяснили это? Как? Гипноз? — Марина в нетерпении одновременно сыпала и вопросами, и версиями. Она даже подалась немного вперед, глядясь в лицо рассказчицы.

«Наконец-то заинтересовалась», — подумала старая женщина и удовлетворенно откинулась на спинку кресла. Кресло сильно качнулось, Дигби, испугавшись, вскочил и, вырвавшись из рук Клеопатры Петровны, бесшумно прыгнул на пол.

– Я готова была приложить все усилия, чтобы выяснить это. И даже подумывала о гипнозе, несмотря на то, что Фрейд не работал с гипнозом и не любил его. Но тогда я рассматривала гипноз как единственное средство, чтобы вытащить «это самое нечто» моей пациентки наружу.

– Готовы были? Что за странное выражение? — Марина начинала терять терпение. Рассказчик, по мнению журналистки, из Клеопатры Петровны был никудышный. Она повествовала ровным голосом, монотонно, без особенных пауз. Постоянно вставляя сложные профессиональные термины, она еще больше запутывала и без того непростую историю. — Вы выяснили, в чем дело, или нет? — Девушка торопливо постучала ногой по полу и чуть наклонила голову.

– После того дня, когда я прочитала заметку об Алене Бомбаре, мы с Александрой виделись еще пару раз. Провели стандартный сеанс, я просила девушку вспоминать мельчайшие подробности детства, школу, соседских мальчишек, злую собаку на улице. Все детали, которые она только могла вспомнить. Из-за очередной конференции, в которой я должна была участвовать, мы были вынуждены сделать перерыв и условились встретиться после. В назначенный день я прождала Александру у себя в кабинете, но она так и не появилась. У меня не было возможности сразу же пойти к ней, так как меня ждали другие пациенты. К вечеру я валилась с ног от усталости, день выдался трудным и эмоционально напряженным. Я пообещала себе, что если Александра не объявится и на следующий день, нужно будет обязательно ее навестить. Но на следующий день меня в срочном порядке вызвали в университет консультировать женщину с сильнейшим неврозом. Срочность заключалась в том, что пациентка являлась известной киноактрисой, и нужно было провести диагностику и назначить лечение быстро, соблюдая конфиденциальность. Однако эта дама не считала, что нуждается в помощи, отрицала состояние болезни и не желала ни с кем общаться. Я потратила день впустую.

На другой день, когда Александра снова не пришла на прием в обычное для нее время, я не на шутку забеспокоилась, отменила всех последующих пациентов и отправилась к ее дому. Я шла довольно быстро и не замечала покорившего меня прошлый раз запаха гиацинтов. Не знаю почему, но я волновалась, возможно, по-своему привязалась к девушке и не хотела, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое. Издалека виднелась знакомая синяя дверь. Подойдя ближе, я увидела письма и газеты, торчавшие из почтового ящика. Их было довольно много. Одна газета была утренняя, другая — двухдневной давности. Я обратила внимание на крыльцо, сегодня оно все было покрыто сухими листьями, упавшими с большого соседнего дерева. Было очевидно, что никто не подметал здесь несколько дней. Я попыталась заглянуть в окна, но ничего не увидела, звонила в дверь несколько раз, звала Александру, но никто не отозвался. Я почти запаниковала, но вспомнила, что пару недель назад девушка обмолвилась о поездке с однокурсниками за город. Мне вспомнилось, как она не хотела ехать и отказывалась, а я, наоборот, настаивала на том, чтобы она согласилась. «Наверное, она все же решила поехать с друзьями, — звучало логичное объяснение в моей голове, — вот и правильно, что послушала моего совета». Я отправилась в обратный путь, вполне удовлетворенная собственными выводами. Теперь можно было идти не спеша, наслаждаясь теплым ветерком и ласковым солнышком.

– Она в самом деле уехала с друзьями? — недоверчиво спросила Марина, одновременно испытывая облегчение и разочарование.

– С вашего позволения я пока не буду отвечать на этот вопрос. Скажу только, что один из моих пациентов пошел на поправку. Я была счастлива, что помогла ему, ликовала, что смогла подобрать ключик, найти нужные слова и поделиться уверенностью и позитивом. А дальше заработал механизм, который мы зовем «сарафанное радио», — звонки все чаще стали раздаваться в моем кабинете, а пациентов становилось все больше и больше. В университете работы тоже хватало — лекции, семинары, конференции... В общем, у меня не было и свободной минутки. И только спустя несколько недель, во время обеда с коллегой в милом французском кафе, я вспомнила об Александре.

– Как твоя сложная пациентка? — спросил меня Питер.

– Которая? Все непростые... — улыбнулась я.

– Насчет которой ты консультировалась с профессором, — пояснил Питер, жуя салат.

– Ах... она... все в порядке... уже лучше... Спасибо, что спросил, — не глядя на него, ответила я.

Вот так внезапно я осознала, что от Александры не было известий уже несколько недель...

Глава 4

Не открывая глаз, я сладко потянулась, потом повернулась на другой бок и плотнее закуталась в одеяло. В выходной день можно позволить себе немного поваляться в постели, никаких грандиозных планов на сегодняшний день у меня не было. «Позавтракаю, а потом пойду в парк и проведу несколько чудесных часов в компании с Куприным», — решила я и снова ненадолго задремала. Солнечный лучик осторожно пощекотал мою щеку и перепрыгнул на плечо, нежно намекая мне, что пора просыпаться.

– Все, встаю, встаю, — сказала я вслух и, откинув одеяло, села на кровати. На мгновение мне показалось, что я все еще сплю... Я моргнула несколько раз, сильно сжала веки, ущипнула себя — ничего не изменилось, меня окружали стены не моего дома. Постепенно, оглядываясь вокруг, я стала понимать, что комната, в которой я находилась, не исчезнет. Она реальна ровно настолько, насколько реальна я сама. Страх скрутился в клубок где-то в животе и вырвался наружу:

– Нет! Только не это!

Сидя на кровати и вертя головой, как маленький сонный соенок, я всматривалась в стены с желтоватыми обоями, стараясь не прислушиваться к шипящим мыслям в моей голове. Они совершенно точно внушат мне ужас и заставят осознать происходящее. Только губы беззвучно повторяли:

– Пожалуйста, только не это.

Но скользкие и юркие мысли просочились, пробрались в вакуум, где я желала оставаться, и голова наполнилась шепчущими голосами, от которых холодели руки. Если этот приступ никогда не закончится, что тогда? Я так и останусь в мире собственных грез и фантазий? Что со мной будет, если меня поместят в клинику для душевнобольных, а я даже не узнаю об этом, потому что нахожусь будто бы здесь, в Лондоне? Мне стало очень страшно. Я обхватила колени, втянула голову в плечи и старалась не двигаться. Мне казалось, что нужно стать незаметной и потерпеть — бороться с паникой не получалось. То и дело меня обдавало горячими волнами, от чего сердце стучало все быстрее. Я напряженно вглядывалась в стены комнаты, ожидая еще подвоха, но больше ничего не происходило.

Время шло медленно или быстро, я не знаю. Постепенно мне удалось расслабить мышцы, первый шок проходил. Осторожно касаясь, я дотронулась до подушки, она отозвалась прохладной нежностью шелка. Одеяло было толстое и еще хранило тепло моего тела. Все выглядело вполне реальным, тогда я решила на большее: аккуратно спустила одну ногу с кровати и нащупала пол. Он был твердым и устойчивым, а еще холодным и шершавым. Я робко встала и неуверенными шагами двинулась в сторону двери, ведущей в ванную комнату.

Сил хватило только на то, чтобы дойти до дверного проема, прислонить голову к косяку и закрыть глаза. Когда человек не может видеть, у него обостряются остальные органы чувств. Я почувствовала легкий цветочный запах, доносящийся из ванной комнаты, а также услышала, как поют птицы, скорее всего, сидя на дереве, растущем под окном. Мне откуда-то было известно, что под окном растет дерево. Резко открыв глаза, я боязливо толкнула дверь в ванную, словно ожидая чего-то, но ничего не произошло, только дверь слегка скрипнула.

Ванная комната была практически безупречна. Красивая, белоснежная, с большим зеркалом в золоченой раме. На небольшом высоком столике стоял букет розовых пионов. Я коснулась пальцами бутона, он был нежным и одновременно плотным, с тонкими лепестками. После моего прикосновения на лепестке остался кривой залом. Настоящий.

Безукоризненной белизной сияла раковина, ее только портили два отдельных крана, неуклюже торчавших с разных концов. «Кто же это придумал», — пробормотала я и открыла их оба. Струя горячей воды обожгла пальцы, а холодная была настолько ледяной, что через

несколько секунд руки онемели. Во мне возникло незнакомое ранее чувство яростной злобы, и, повинувшись минутному порыву, я в сердцах ударила по раковине.

— Черт! Черт! Черт! — прокричала я и тут же в страхе оглянулась, не услышал ли меня кто-нибудь случайно. Никого, конечно, не было. Однако мне стало одновременно стыдно и легко, я аккуратно закрыла оба крана и постаралась взять себя в руки. — Если бы меня сейчас видела мама, она была бы в ужасе от моего поведения, — сказала я сама себе и впервые в жизни порадовалась тому, что ее нет рядом.

Когда, наконец, удалось умыться, мне стало еще немного легче. В зеркале я увидела, как капли воды стекают по лицу. Совсем как по-настоящему. Губы были темного красного цвета, похоже, что я искусала их до крови и даже не заметила. Щеки были цвета спелых яблок, а в глазах отражалось множество искусственных огней, что отбрасывала небольшая хрустальная люстра. Казалось, что по ту сторону зеркала находится точная моя копия, практически идеальная, но все же это была не я.

Я рассматривала себя, как незнакомку, скрупулезно изучая свое лицо под шум струящейся воды, и мне физически становилось легче. «Это случалось уже дважды, все непременно наладится», — уговаривала я себя, глядя в зеркало. Вода продолжала шуметь, разбиваясь на сотни капель о гладкую поверхность раковины, успокаивая и вселяя надежду. Время шло, а я все еще смотрела на стекающую по стенкам раковины воду, пока не почувствовала, что полностью владею собой. Более того, возникло ощущение странной, неизвестной мне дотоле решимости, желание бороться за свой разум, за свою настоящую жизнь. Я никогда не любила препятствия, сразу снимала и старалась обходить их стороной, можно сказать, плыла по течению, но сейчас что-то изменилось. Нужно было что-то делать, неважно что, лишь бы не размякнуть и по-настоящему не сойти с ума.

Мне вспомнилась галерея, которую я посетила в прошлый раз. Она была единственным маяком, зацепкой к поиску выхода отсюда. «Конечно, галерея. С нее непременно нужно начать поиски. Но чего? — задумалась я. — Что мне нужно найти?»

Я вышла из ванной, машинально взяла со стола бумагу и написала следующее:

«Прошлый раз я встречала людей, которые утверждали, что были знакомы со мной (или с кем-то, очень похожим на меня). Нужно найти их и выяснить все, что они знают, возможно, тогда будет ясно, почему я снова оказалась здесь. Если я больна, то непременно должна найти путь к выздоровлению. Если нет — выясню, как попадаю сюда».

Составленный план был, прямо скажем, никуда не годен. Да и планом эти записи нельзя было назвать, но слова, записанные на листе бумаги, внушали мне больше доверия, чем мысли, что роились и наталкивались друг на друга у меня в голове. Я отложила ручку и бумагу, осматриваясь и принимая комнату в свои союзники.

Комната была просторной, обставленной элегантно, со вкусом. Солнечный свет проникал через большое окно, которое обрамляли тяжелые персиковые шторы. Выглядели они довольно пыльными, и действительно, от моего прикосновения пыль полетела в разные стороны, отчего я громко чихнула. Мебель была старинная, добротная и очень красивая. Посередине комнаты стояла большая кровать с массивной резной спинкой, именно на этой кровати я и проснулась, рядом располагался туалетный столик с множеством выдвижных шкафчиков и полочек. Все видимые поверхности были заняты баночками с кремами, помадами и пудрами. Я осторожно выдвинула один из ящичков с ощущением, что я не имею права этого делать, но любопытство было сильнее меня. На дне ящичка лежал кусок черного бархата, в котором было завернуто чудесное жемчужное ожерелье. Я взяла его в руки, оно мягко перетекло из одной ладони в другую. Крупные, аккуратные жемчужины, оттененные бриллиантами, складывались в моих ладонях в замысловатый крестообразный узор. Завораживал солнечный свет, что искрился и вспыхивал, отражаясь в бриллиантовых каплях. Я никогда не думала, что побрякушки, пусть даже и такие красивые, могут вызвать благоговейный щемящий трепет. Захотелось обладать

этим сокровищем и носить его, но оно не было моим, поэтому я убрала его на место. В этом же ящике блеснуло еще что-то: я нашла несколько колец, украшенных жемчугом и бриллиантами. Они были столь изящными, что я не удержалась и примерила одно из них, оно оказалось точно мне впору. Это было удивительно, так как у меня довольно тонкие пальцы. Тогда захотелось примерить все кольца, которые были в ящике — они все идеально подошли. Я отложила кольца и принялась обследовать один за другим содержимое оставшихся ящиков. На глаза попало еще несколько золотых кулонов и изящные часики. Все украшения выглядели так, будто они были созданы в другом столетии — роскошные и утонченные, абсолютно в моем вкусе.

Тут же на туалетном столике стояли различной формы баночки и флакончики. Я пробежала пальцами по ним и открыла один наугад — это были духи. Терпкий запах жасмина окутал меня, наполнил комнату и выплыл наружу сквозь открытое окно. Он был тяжелым и откровенным, как золотое платье кинозвезды, притягивающей жадные взгляды поклонников. Я была слишком застенчива для подобных платьев и духов. Мне всегда было тяжело находиться в центре внимания, выносить пристальные взгляды и прикосновения будто невзначай. Однако запах дурманил и манил, как тропическое растение-хищник. И я поддалась... Позволила нескольким каплям упасть на запястья, провела хрустальной пробкой за мочками ушей и дотронулась до ложбинки между грудей.

Густой вязкий аромат духов, смешанный с запахом моего тела, взывал к древним инстинктам и рождал смутные образы в моей голове. Сплетенные влажные тела... Обнаженные мужчина и женщина на смятой постели... Тонкие пальцы, скользящие по мускулистой спине, разметанные спутанные волосы, приоткрытый рот, следы зубов на его плече...

Я вздрогнула и поспешно открыла глаза, видения исчезли. Посмотрев на флакончик духов со смешанным чувством удивления и страха, я поднесла руку к лицу и вдохнула еще раз, словно хотела проверить, не почудилось ли... И снова ощутила жаркую волну, что поднималась снизу и заставляла напрягаться все клеточки моего тела в ожидании чего-то большего.

Мое тело шарахнулось от туалетного столика, как от проказы. Оставалось только гадать, что еще кроется за стеклянными резными стенками бутылочек и флаконов. Наконец я спиной уперлась в платяной шкаф.

Он был весьма внушительных размеров, до отказа забитый одеждой. Внизу громоздились обувные коробки, а наверху — шляпные. Здесь были платья, юбки, блузки, несколько пальто и множество вещей в чехлах, которые не хотелось сейчас распаковывать. Я выудила из шкафа белую блузку и оливкового цвета юбку, которая превосходно на меня села, в выгодном свете подчеркнув мои ноги. Ощущение было странное, словно примеряешь на себя чью-то чужую жизнь. В привычном отражении промелькнула незнакомая мне черточка, но она так быстро исчезла, что я решила — показалось.

За окном разорвал воздух резкий звук клаксона — жизнь Лондона кипела и неслась на невысказанной скорости. Перед тем как покинуть комнату, я остановилась, собираясь с мыслями и силами. Снова накатила горячая волна паники, ладони вспотели, от страха пересохло во рту. Я беспомощно оглянулась, но не увидела ничего, что бы поддержало меня. Ничего не оставалось делать, кроме как открыть дверь.

Я быстрым шагом вышла в знакомый мне холл, спустилась по лестнице и направилась в столовую, однако внезапно дорогу мне преградила довольно грузная немолодая женщина. Она появилась передо мной внезапно, выскочила, словно черт из табакерки, и закричала:

– Ах, мисс Александра! Это вы! Наконец-то! Сколько времени вас не было! В городе появлялись, но даже не зашли ко мне поболтать...

Женщина говорила без остановки громким высоким голосом, ее водянисто-голубые глазки бегали, цепко ощупывая меня с головы до ног. Каждый раз, когда она взвизгивала на гласных, дергала головой, отчего тряслась ее дряблая шея, а подбородок качался из стороны в сторону, удивительно напоминая зоб толстого индюка. Редкие, зачесанные назад волосы

добавляли еще больше сходства с этой птицей. Я растерялась, поскольку не ожидала подобной встречи так скоро. Нужно было что-то говорить, как-то выкручиваться. Врать мне не хотелось, и актриса была из меня никудышная...

– Доброе утро, миссис... — Я вопросительно посмотрела на нее. Глаза женщины округлились от удивления и возмущения.

– Что с вами, Александра? Вы не помните, как меня зовут? — Она уперла руки в бока. — Какое неуважение! Я вообще-то миссис Лофман, хозяйка пансиона и вдова покойного мистера Лофмана, офицера британской армии. — Она возмущалась визгливо и шумно, но наконец, в тот момент, когда она на секунду остановилась, чтобы набрать воздуха, я быстро вставила:

– Я прошу прощения, я не помню вашего имени, потому что... случилось несчастье... у меня амнезия...

– Что? — Глаза миссис Лофман превратились в два блюдца. — Что с вами случилось, деточка? — И она, подхватив меня под локоть, увлекла за собой к небольшому диванчику, стоявшему в холле первого этажа.

– Видите ли, я попала в аварию... меня... э-э-э... сбила машина. Основной удар пришелся на голову... итог — сотрясение и частичная потеря памяти. — Мне было неприятно говорить неправду, я ерзала под взглядом миссис Лофман, и мне казалось, что она немедленно раскусит меня. Но женщина восторженно смотрела на меня, смотрела так, будто выиграла миллион:

– Как это – частичная потеря памяти? — полушепотом спросила она у меня.

– Ну... я что-то помню, а что-то не помню. Например, я помню, что живу здесь. А как вас зовут, не помню. — И я развела руками.

– Это невероятно интересно. Я лично никогда ни с чем подобным не сталкивалась. Бедняжка, — сказала миссис Лофман, но в ее взгляде не было и грамма сочувствия.

– Может быть, вы поможете мне? — спросила я, и она с готовностью закивала, отчего ее подбородок заколыхался с новой силой, и мне пришлось подавить в себе желание рассмеяться.

– Все, что я смогу... — скромно произнесла она.

– Расскажите мне, пожалуйста, все, что знаете обо мне, все, что вспомните. Каждая деталь важна для меня. Надеюсь, что информация о том, как я жила раньше, заполнит пробелы в моей памяти. Так сложно жить, когда не помнишь многого о себе, — добавила я для весомости.

Миссис Лофман понимающе кивнула, выпрямила спину и стала почему-то говорить шепотом, растягивая слова:

– Видите ли, деточка... Хотя я и Мэри Лофман — хозяйка этого пансиона почти тридцать лет – и обязана знать все о своих постояльцах не любопытства ради, а ради их безопасности и благополучия, о вас я почти ничего не знаю. И хотя у вас оплачена комната за пять лет вперед, появляетесь вы тут нечасто. — Она остановилась и многозначительно посмотрела на меня. — А самое неприятное, что убирает комнату приходящая горничная из агентства. Так что у меня не было возможности зайти к вам, пока вас не было. — Она развела руками и осуждающе посмотрела на меня. — А мне нужно убедиться, что с комнатой все в порядке, мало ли чего... Остальные комнаты я сама убираю и слежу за ними очень тщательно, знаете ли, — обидчиво закончила она. «Теперь понятно, почему шторы такие пыльные», — подумала я. А вслух сказала:

– Понимаю ваше неудобство и приношу свои извинения. — И, помедлив: — А почему приходит горничная, вы знаете? Наверняка была причина?

– Такое условие мне поставил агент, снимавший эту квартиру для вас. Он пояснил, что вы особа весьма деликатная и не любите лишних людей в своих апартаментах. — Она опять затрясла головой и возмущенно добавила: — Подумать только. Это я-то лишняя?!

Я напряглась как струна, боясь пропустить хоть одно слово, которое может оказаться чрезвычайно важным.

– Интересно. А еще? Не знаю... Например, появлялась ли я с кем-нибудь из знакомых? Где я работала? Училась? Умоляю, все, что вспомните, — торопливо сказала я, опасаясь, что женщина с удовольствием погрузится в удобную для нее тему.

Миссис Лофман подбоченилась, набрала воздуха и сказала:

– Ах, Александра, я так рада, что эта ваша амнезия, — она зачем-то понизила голос при этих словах, — пошла на пользу нашим отношениям. А то раньше вы были такой надменной, сухой. От вас можно было услышать только «здравствуйте» и «до свидания», и сколько я вас ни зазывала поболтать за чашечкой чая, вы никогда не соглашались. Ну да ладно, это все в прошлом. — Ее голос повеселел, она взяла меня за руку, подмигнула мне и заговорщически произнесла:

– Ну теперь-то все будет по-другому, да, Александра?

– Конечно, миссис Лофман, — поспешила уверить я женщину, аккуратно вынула ладонь из ее руки и снова спросила:

– Хоть какой-то информацией вы располагаете? Хоть что-нибудь?

– Вы красивая молодая девушка и пользуетесь популярностью у мужчин. Многих мужчин, — подчеркнула она. — Вас привозил то один, то другой. Они никогда не заходили в пансион, но одного я случайно увидела и узнала. Не подумайте ничего такого, я была на улице, когда он привез вас... — торопливо добавила она.

– Да кто же это? — не выдержала я.

– Джеф Горинг, — торжественно произнесла она.

– Джеф Горинг, — прошептала я. — Все дороги ведут к нему.

– Я не знаю, чем вы занимаетесь, — честно призналась миссис Лофман. — Знаю одно: деньги у вас водятся. Все эти наряды и украшения, — она махнула рукой в сторону моей одежды. — Хотя, если немного поразмыслить, вывод сделать нетрудно, учитывая вашу скрытность, ночной образ жизни, постоянное отсутствие и количество мужчин, сопровождающих вас... — Ее глаза сузились и смотрели на меня, не отрываясь. Она ясно давала мне понять о предполагаемом роде моей деятельности.

Я смотрела на нее, не в силах вымолвить ни звука. Сложно поверить, что она даже подумать могла подобное, а тем более говорить об этом вслух. Я задыхалась от гнева. Меня воспитали в семье с высокими моральными принципами, где главным в жизни была любовь. А обогащение за счет кого-либо рассматривалось как преступление.

– То, на что вы намекаете, миссис Лофман, ужасно и абсолютно точно не про меня, — строго сказала я, вставая с дивана. — Еще раз прошу прощения, но в каком бы мире я ни находилась, для меня всегда есть предел допустимого, и сейчас он превышен, — отрывисто произнесла я. — Пойду прогуляюсь. Может, свежий воздух поможет мне вспомнить что-нибудь. — И не дожидаясь ответа женщины, я покинула пансион.

Мне было не по себе от весьма прозрачных намеков миссис Лофман. Я хоть и понимала, что все... вообще все, в том числе и сама миссис Лофман, может оказаться просто фантазией, но подобное я не хотела допускать нигде и никогда. Подумать только!

Чтобы выпустить пар, я энергично зашагала по улице в сторону Сити, увлеченная идеей найти мистера Горинга и расспросить его. Солнце спряталось за большую серую тучу. В воздухе запахло дождем, серые дома потускнели, а прохожие то и дело посматривали вверх и проверяли зонтики. Я тоже боязливо бросила взгляд на тучу, которая прожорливо заглатывала голубые полосы неба, и припустила еще скорей. Дождь начался нерешительно, пробуя на вкус заасфальтированные тротуары, дома с барельефами и спешащих прохожих, нарастая и усиливаясь, словно этот вкус ему понравился.

Прячась от капель, я юркнула в лавочку, торгующую китайскими товарами. Пока глаза привыкали к тусклому красноватому свету, робко пробивающемуся из плотных светильников, я различила запах сандала и можжевельника, горькой полыни, рододендрона и жасмина. «Опять жасмин», — подумала я, вспомнив о флакончике духов, который нашла утром. Магазинчик был битком набит разным хламом и безделушками. Осмотревшись, я поняла, что это не китайский магазин.

– Простите, откуда эти товары? Отдаленно напоминающие китайские? — спросила я у продавца.

– Из далекой Бурятии. Это часть России рядом с Китаем.

– Да, да, я знаю, — улыбнулась я. — Как у вас здесь необычно пахнет. Это травы? — полюбопытствовала я.

– Это санг – благовоние в виде порошка, куда входят только натуральные компоненты. В составе разнообразные виды растений, драгоценные и полудрагоценные металлы и камни, есть даже съедобные ингредиенты – три белых (молоко, сливочное масло и простокваша) и три сладких (мед, сахар и патока) и прочее. Но точный секрет знают только шаманы. Они никому не рассказывают, — развел руками улыбающийся продавец.

– Зачем же нужен этот санг? — удивилась я.

– Некоторым он открывает новый мир и дает возможность прожить свою жизнь так, как только виделось в мечтах.

Я засмеялась, покачав головой.

– Ох уж эти сказки! Ах, вот и дождь закончился. — И я выбежала на влажную лондонскую мостовую.

«А теперь направо», — сказала я сама себе, быстро шагая в сторону галереи и твердо зная, куда идти. Улицы Лондона были мне знакомы, словно я ходила по ним много раз. Узкие, ровные, затянутые в серый камень, они неожиданно окрашивались в ярко-красный цвет телефонных будок. А за поворотом, из ниоткуда, вырос дом, вычурный, с колоннами и башенками, цветной, он гордо размахивал флагом, на котором однажды встретились Андреевский и Георгиевский кресты. Он утопал в цветах, которые были повсюду — на карнизах, ступенях, стенах и козырьках над входом. И строгость линий обмякала, поддавалась, дом становился уютным и располагающим к себе.

Это было странно, но я продолжала свой путь, уверенная, что смогу разгадать эту загадку. Вскоре показались витрины уже знакомой мне галереи. Я испытала облегчение, когда увидела ее. Только сейчас я поняла, что боялась не найти ее, вдруг она окажется ненастоящей, еще одной моей фантазией. Я толкнула дверь и вошла в большое светлое пространство, наполненное богемной тишиной, легким запахом краски и заряженным искусством воздухом. На стенах висели картины, но они определенно не были работами Джефа Горинга. В залах было пустынно, я в растерянности оглянулась. Очевидно, экспозиция его картин закончилась.

Из подсобной комнаты выплыла тучная фигура работника. Я сразу узнала его.

– Чем могу помочь, мэм? — протянул он.

– Подскажите, а выставка мистера Горинга уже закончилась?

– Да, несколько недель назад. Теперь у нас выставляются молодые таланты из Академии художеств. — И он указал на стены.

Я задумалась. Мой план рушился.

– Вы случайно не знаете, где я могу его найти? Понимаю, вопрос неожиданный...

– Сейчас он в Лондоне – это точно. Про него написали в утренней газете в светской хронике. — Мужчина игриво подмигнул мне. — На этот раз он появился в одном известном

ресторане с замужней дамой семидесятилетнего возраста и вел себя с ней совершенно неподобающим образом. Каково, а?

– Значит, он в Лондоне. Уже неплохо. Но как его найти в этом огромном городе? — проворчала я.

– Джеф Горинг пойдет на балет. — Я вопросительно взглянула на моего собеседника.

– Я слышал, как он обсуждал это мероприятие здесь, в галерее. — И торопливо добавил: — Очень громко обсуждал. — Я отмахнулась, дескать, мне не важно.

– Это точно?

– Вы что, газет не читаете? Некоторое время назад была учреждена Федерация русского классического балета здесь, в Лондоне, возглавляет ее та самая Ксешинская, блиставшая в знаменитых русских сезонах Дягилева. И уже неделю на лондонских сценах порхают балерины. Венцом балетного фестиваля будет выступление Большого в Grand Opera. Весь Лондон будет там.

Через мое тело словно пропустили разряд тока. Королевская опера в Ковент-Гардене — излюбленное место лондонского бомонда и настоящих ценителей искусства. Одна из знаменитых мировых сцен принимала у себя не менее знаменитую труппу. Джеф действительно должен быть там.

– Мне тоже нужно туда попасть.

– Это вряд ли. Билеты давно распроданы.

Но я уже не слушала его. Бросив на ходу короткое «спасибо», я помчалась в сторону театра.

Дорога была неблизкая. Я торопилась. Приходилось уповать на удачу, на удивительное стечение обстоятельств. Например, на то, что один важный чиновник срочно отчалил на корабле в Индию, предварительно сдав билеты в кассу. Я продолжала фантазировать: или одна графиня потеряла свою собачку и теперь не в настроении посещать балет.

Громкий звуковой сигнал разорвал воздух. Кто-то дернул меня за локоть, и секунду спустя мимо меня пронесся большой блестящий автомобиль.

– Вы что, с ума сошли, разгуливаете по дороге, как по тротуару? — произнес мужской голос с приятным валлийским акцентом.

– Боже мой. — Я только сейчас поняла, что могло бы случиться, если бы я продолжала идти по дороге.

– С вами все в порядке? — голос звучал тревожно.

Позади меня стоял мужчина средних лет с легкой проседью в темных волосах, одетый в хорошо сшитый костюм. Он смотрел на меня осуждающе и укоризненно покачивал головой, как качает головой учитель, когда лучший ученик в классе не может ответить урок.

– Да, все в порядке, — торопливо проговорила я.

– Движение невероятное, нужно все время быть начеку, а не смотреть по сторонам, — мягко проговорил он.

– Да, да, конечно. Я, наверное, задумалась, совсем не видела эту машину. Подумать страшно, что могло бы случиться, если бы не вы... — Мужчина слегка улыбнулся и чуть наклонил голову, с интересом рассматривая меня.

– Не стоит благодарности. Надеюсь, что тот, к кому вы так летели, самый счастливый на свете...

– Ах, ну что вы, — рассмеялась я, — я тороплюсь вовсе не на свидание. Я хочу поймать птицу счастья за хвост... — Одна бровь господина изящно изогнулась, выражая любопытство. — Хочу купить билет на выступление Большого сегодня, — пояснила я.

Мужчина улыбнулся:

— Ради искусства готовы рисковать жизнью — похвально. Но не таким же образом. Попасть под машину — это как-то банально. — Он раскатисто рассмеялся. Затем галантно представился:

— Рой Коллинз, к вашим услугам.

— Александра Суворова, и уверяю вас, у меня не было желания попадать под машину. — Я улыбнулась, пытаюсь угадать, что во мне так заинтересовало этого вальяжного господина.

— Что ж, я верю вам. — Рой говорил немного старомодно — медленно, растягивая слова.

— Однако не думаю, что билеты еще есть в кассе.

— Мне очень нужно попасть сегодня в Королевскую оперу. И дело не в выступлении самой известной в мире балетной труппы. — Я потупила взгляд. Мне не хотелось снова врать. Но он сам выручил меня:

— Сердечные дела? — Я облегченно кивнула. Мужчина ненадолго задумался, разглядывая меня. — Вы знаете, Александра, очень хочется вам помочь. Я решил, что буду вашим ангелом-хранителем весь день. Я добуду вам билет, несмотря на то, что вы рветесь туда попасть не из-за меня.

— Вы шутите? — Я не могла поверить своему счастью.

— Ни в коем случае. Я очарован. Очарован настолько, что готов сделать для вас все, что в моих силах. Достать билет — малость.

Я было засмеялась, но опомнилась и подозрительно посмотрела на него:

— Рой, ответьте мне на вопрос. Мы были знакомы раньше?

— Если бы мы встречались ранее, я бы никогда этого не забыл, — Рой Коллинз галантно прикоснулся губами к моей руке. — Однако, несмотря на мое желание любоваться вами, я должен выполнять свое обещание — отправляюсь на поиски билета. Скажите, куда его доставить.

Я, рассыпаясь в благодарностях, назвала адрес пансиона. Мы обговорили детали, и он неторопливо пошел вниз по улице к телефонному автомату.

Как же я ликовала, когда спустя пару часов посыльный принес конверт для меня, в котором лежали столь желанный билет и записка: «Наслаждайтесь, Александра. Билет всего один. А я проведу этот вечер в компании приятных воспоминаний о вас».

Я рассмеялась и покачала головой. Такой тип мужчин, дамских угодников, был явно не по мне. Пританцовывая и мурлыча под нос песенку, я поднялась к себе в комнату. Мне казалось, что фортуна на моей стороне. Все должно получиться. Я обязательно встречу сегодня Джефа Горинга и выясню у него все, что он знает. Мысль о рыжебородом спустила меня с небес на землю, я вспомнила его колючий взгляд и угрожающие нотки в голосе.

— Нужно сделать так, чтобы он ответил на мои вопросы, рассказал все, что знает, — говорила я сама себе, вытряхивая содержимое шкафа на кровать, — нужно произвести на него сногшибательное впечатление.

Я добралась до черных чехлов, висящих в глубине шкафа. Они хранили в себе роскошные вечерние платья. Я примерила одно из них. Черный шелк коснулся моей кожи, ласково обнял и с шелестом опустился к ногам. Платье сидело идеально. Расшитый золотыми пайетками лиф выгодно подчеркивал грудь, плотный корсет заставил расправить плечи и приосаниться, а черная пышная юбка мягкими складками ниспадала к лодыжкам. Превосходно. Я нашла еще пару черных шелковых туфель и перчаток. Осталось несколько женских хитростей, чтобы выглядеть неотразимо.

В Ковент-Гардене движение остановилось. Машины заполонили подъезды к Королевской опере. Из длинных лимузинов выходили прекрасные дамы в мехах и бриллиантах, их бережно вели под руки холеные кавалеры в смокингах. Изысканная публика лавиной стекалась к запахнутым дверям одного из знаменитых театров мира. Я вышла из такси за пару кварталов, хотела немного пройтись, чтобы успокоить нервы. В нескольких сотнях метров от здания, куда мне так нужно было попасть, мне стало тревожно. Вдруг мистер Горинг не придет сегодня? А

если он придет, но не захочет со мной разговаривать? Мне было не по себе от того, что придется навязывать свое общество мужчине. Этого я делать не умела и учиться не собиралась. Я обвела взглядом черепичные крыши домов, надеясь увидеть двух сорок — приметку к счастью. Но на крышах никого не было, и я, сильно сжав билет, поднялась по ступеням Королевской оперы.

Из оркестровой ямы доносились нестройные звуки — это музыканты настраивали инструменты. Вокруг галдели и шумели сотни людей. До начала спектакля оставалась пара минут, но Джефа Горинга не было видно. Наконец раздался третий звонок, и люди стали рассаживаться по своим местам. Дамы шуршали шелковыми юбками, проходя по узким рядам, то и дело кивая знакомым. Мужчины внимательно смотрели под ноги, стараясь не наступать впереди идущим дамам на платья. Но в этой толпе не было того, кого я искала. Я обвела взглядом ложи, и мое сердце рухнуло — в одной из них мистер Джеф Горинг усаживал милую блондинку в первый ряд. Наши взгляды встретились, его лицо окаменело. Погас свет.

Я совершенно не запомнила первое действие, невидящий взгляд блуждал по сцене, а мои мысли были далеко. В голове крутился сценарий предстоящей встречи с мистером Горингом, было ясно, что он моя единственная зацепка, но какова будет его реакция на нашу встречу, представить невозможно. Честно говоря, мне было страшно.

Опустился занавес. Люди начали вставать с мест, захлопали поднимающиеся сиденья. Объявили антракт.

– Первое действие уже закончилось? — спросила я мужчину рядом.

Он удивленно посмотрел на меня:

– Совершенно верно. Сейчас перерыв, а через тридцать минут начнется второе действие.

Я кивнула, нервно посмотрела в сторону ложи, там никого не было. Подобрал юбки, я стала пробираться к выходу из зала. Вестибюль гудел, словно улей. Люди обсуждали великолепный балет, прекрасную технику танцоров и их костюмы.

– Как я найду его в этой толпе? — спросила я вслух.

– Не меня ли ты собралась искать, Александра? — раздался над моим ухом вкрадчивый голос. Сильная рука, подхватив меня под локоть, потащила в тихий коридор. Джеф Горинг собственной персоной в прекрасно сшитом смокинге возвышался надо мной, хмуро сдвинув рыжие брови.

– Ты опять появилась, хоть я и просил этого не делать? — с ходу набросился он на меня.

Я проигнорировала его высказывание. С плохо скрываемой дрожью в голосе я произнесла:

– Мистер Горинг, раз уж мы встретились здесь. *Случайно*. Уделите мне пару минут. Мне очень нужно задать вам несколько вопросов.

– Мистер Горинг? Мне нужно задать вам несколько вопросов, — повторил он за мной и раскатисто рассмеялся, но после снова нахмурился и спросил:

– Что это все значит, *дорогая* Александра?

– Мистер Горинг. Джеф. Прошу тебя. — В моем голосе звучала мольба. — Мне нужна твоя помощь. У меня масса вопросов, на которые нет ответов. Ведь я... я ничего не помню. — Мне нужно было поговорить с ним во что бы то ни стало. — Я ведь даже не помню... кто я...

Лицо Джефа оставалось непроницаемым, он смотрел на меня внимательными желто-кариыми глазами и молчал. Наконец он сказал ровным тихим голосом:

– У меня нет оснований верить тебе.

Я почувствовала, как мои глаза застилают слезы.

– Очевидно, что у тебя есть для этого причины. Но я их не помню. Понимаешь, ничего и никого. Только тебя. Я случайно зашла в галерею и вспомнила тебя. Поверь мне, пожалуйста. — Мой голос опустился до шепота.

– Прекрати стенать, Александра. Даже если бы я согласился, не смог бы встретиться с тобой. Завтра рано утром мне нужно уехать, чтобы решить неотложные дела.

– Куда ты направляешься? — выдавила я из себя. Мне стало страшно от того, что он вот так просто возьмет и исчезнет.

– В то место, куда ты обещала *никогда* не возвращаться. На остров, — ехидно ответил он.

– На тот остров, на котором были написаны твои картины? — тихо спросила я.

– Ох, Александра, прекрати. Будто ты не знаешь, что я имею в виду Барра.

– Барра... — повторила я за ним, будто пробуя это слово на вкус. Барра... — Возьми меня с собой на Барра.

– Ты шутишь? — Он, не отрываясь, смотрел на меня.

Я было открыла рот, чтобы ответить ему, но в этот момент к нам подплыла та самая блондинка, которая сопровождала мистера Горинга в ложе. Она недобро взглянула на меня, обвила вокруг Джефа и замурлыкала ему что-то на ухо.

– Мадлен, познакомься с Александрой, — как-то нехотя произнес Джеф. Мадлен коротко и сухо кивнула мне, затем повернулась к Джефу и сказала:

– Милый, уже прозвенел звонок, давай вернемся на место.

– Да, конечно, — он нарочито крепко прижал ее к себе, — пойдём.

– Пожалуйста, подумай о моей просьбе! — прокричала я ему вслед. Почувствовав себя невероятно уставшей, я прислонилась к стене, словно отдала последние силы этому разговору, и наблюдала за тем, как уменьшается толпа, просачиваясь в небольшой дверной проем зала. Когда последняя пара вошла в зал и двери закрыли, удалось наконец вздохнуть свободней. На меня давили стены Королевской оперы.

Шурша юбками в гулкой тишине коридора, я вышла на улицу. Солнце уже закатилось, и сразу стало холодно. Я обхватила руками обнаженные плечи и замерла, вспомнив, как сбегала по этим ступеням, ежась от холода, как пила шампанское в «Бальтазар», пытаясь согреться. Оглядевшись, я заметила, что через дорогу от театра золотом на бордовом фоне горели буквы «Бальтазар». Как завороченная, я зашагала в сторону ресторана, не сводя глаз с вывески. Тяжелая дверь легко поддавалась, и мне открылось темное, полное сигаретного дыма пространство. В ресторане было немногочленно, на небольшой сцене играл оркестр, несколько парочек танцевали. Прямо передо мной сидела рыжеволосая девушка с фужером шампанского и зажженной сигаретой в длинном мундштуке. Она повернула голову и увидела меня, ее глаза сузились, она сделала глоток и встала, чтобы подойти. Я вспомнила, что видела ее во время предыдущего «путешествия» в Лондон.

– Ты опять здесь, — зашипела она. — Опять собираешься виться вокруг Джефа?

Я так устала за этот длинный день, что не стала даже пытаться объясниться с этой девушкой.

– Алекс, я повторять дважды не буду. Убирайся туда, откуда пришла. И не пытайся даже подходить к моему брату, а то я за себя не отвечаю. — Она, как и в прошлый раз, уперла руки в бока и стала похожа на разъяренную фурию.

Брата? Она сказала, что Джеф Горинг — ее брат? Я всмотрелась внимательнее в ее лицо. Действительно, рыжие волосы, скулы, веснушки, как у Джефа, только цвет глаз у них был разным. У Джефа глаза были более темными и пронзительными. Рыжая валькирия кинула на меня еще один убийственный взгляд, схватила сумочку и направилась к выходу. В дверях она бросила:

– Исчезни навсегда, Алекс. Сделай милость, — и едва не столкнувшись со швейцаром, выскочила на улицу.

Я отрицательно покачала головой подошедшему официанту и тоже направилась в сторону выхода. Ковент-Гарден с его театрами и ресторанами давил на меня. Хотелось зарыться в тишину своей комнаты и укрыться одиночеством, поэтому, недолго думая, я побрела в сторону Блумсбери.

Внизу, в гостиной пансиона, горел свет и раздавались голоса. Мне не удалось тихонько юркнуть в свою комнату, так как миссис Лофман вновь преградила мне дорогу. Она была возбуждена, глаза ее горели.

– Мисс Суворова, а я вас поджидаю. У меня для вас послание. — И она помахала сложенной вчетверо бумагой.

– Да? — спросила я без энтузиазма. — От кого?

– От мистера Джефа Горинга. Он был здесь минут десять назад... Я успела позабыть, какой он шикарный...

Я не могла поверить в то, что говорила миссис Лофман. Джеф был здесь! Он искал меня!

– Что хотел мистер Горинг? — взволнованно спросила я.

– Он вас не застал, поэтому оставил записку. — И хозяйка снова помахала бумагой. Я была уверена, что она прочитала ее, но виду не подала. Дрожащими руками я развернула листок, на нем размашистым, уверенным почерком было написано: «Заеду завтра в восемь утра. Отправляемся на Барра».

Держа записку в руке, я рухнула на диван. Это была победа.

Глава 5

Пятнадцать минут девятого. Джеф опаздывал. Я взглянула на миссис Лофман — она не спускала с меня своего любопытного взгляда.

– Даниэла, милая, я беспокоюсь, успеешь ли ты к открытию цветочной выставки? На часах уже пятнадцать минут девятого...

– В самом деле? — Женщина в седеньких буклях сделала вид, что она немного этим фактом озабочена. — Да, времени уже много, но у меня есть еще пара минут, чтобы допить свой утренний чай.

Я вдохнула поглубже и выдавила из себя улыбку. Часы едва ли показывали половину восьмого, когда я спустилась в холл пансиона, волоча за собой огромный коричневый, немного потертый чемодан. Я рассчитывала выпить чашку чая в одиночестве, но, к своему разочарованию, обнаружила в комнате для завтраков миссис Лофман со своими товарками. Даниэла, которая, по ее словам, «торопилась» на цветочную выставку с половины восьмого, продолжала сидеть и неторопливо пить чай.

– Александра, какое чудесное утро! Это что это у вас? Чемодан? Вы что, снова покидаете нас? — сыпала вопросами миссис Лофман.

– Да, я уезжаю ... в отпуск, — помедлила я с ответом. Опять пришлось соврать, это было неприятно.

– Милая, составьте нам компанию за завтраком, — предложила миссис Лофман, и ее соседки закивали в знак согласия.

Я тоскливо оглянулась и не нашла ни одной объективной причины для отказа, поэтому сказала «с удовольствием» и села на предложенное мне место. Ровно в восемь мы все, как по команде, замолчали, подтянулись и стали прислушиваться к звукам, доносившимся с улицы, но там ничего не происходило добрых пятнадцать минут. Я внимательно рассматривала орнамент на чашке, чтобы не видеть усмешек на губах женщин. Видимо, Джеф был слишком известной фигурой, чтобы мои соседки поверили в то, что он все же приедет за мной.

– Как вы спали сегодня, Александра? — протянула миссис Лофман, чтобы поддержать разговор.

– Прекрасно, — сказала я.

Снова пришлось слукавить, но больше угрызений совести не было. Вчера я ложилась спать с огромным чувством усталости, думая, что усну сразу же, как только моя голова коснется подушки. Вместо этого я всю ночь смотрела в потолок, а когда ненадолго проваливалась в сон, мне виделось, что вокруг кружатся лица тех, кто мне повстречался здесь. Они насмеялись надо мной, а я в отчаянии пыталась найти хоть одно дружелюбное лицо, не понимая, что могла сделать всем этим людям. Наконец на небе забрезжил рассвет, окрасив его в розовый цвет. Эта ночь закончилась. Перерыв шкафа, я отложила в поездку максимально удобную, немнущуюся одежду, взяла несколько пар туфель и несколько баночек с туалетного столика. Моя рука нерешительно замерла над флаконом с жасминовыми духами... и не взяла их.

Потребовалась сила воли, чтобы устоять перед искушением захватить с собой украшения, но, поразмыслив, я не стала этого делать, а взяла только небольшую сумму денег, которую нашла в одной из сумочек. Чемодан обнаружился под кроватью. Я довольно быстро упаковала свои вещи и теперь ждала Джефа.

Наконец с улицы донесся шорох колес, миссис Лофман, Даниэла и еще одна пожилая леди подскочили со своих мест. Миссис Лофман бросилась сначала к окну и, убедившись, что она увидела того, кого ей хотелось увидеть, стремглав помчалась открывать дверь.

Джеф неторопливо вошел в комнату, мгновенно заполнив собой все пространство. Он искренне улыбался и осыпал комплиментам индюшку миссис Лофман, от чего та засветилась,

как фонарь. Несколько теплых слов достались и Даниеле с подругой, они тоже засияли, как натертые самовары. Я стояла, пораженная тем, какое магическое действие оказывает Джеф Горинг на женщин всех возрастов. Он рассмеялся глубоким раскатистым смехом и наконец соизволил заметить меня. Взгляд карих глаз стал колючим, но дежурная улыбка, немного померкнувшая при виде меня, продолжала сиять на его лице.

— Александра, дорогая, я как вижу, ты готова. — Он раскланялся и распрошался с женщинами, легко, будто перышко, подхватил мой чемодан и сдержанно сказал: — Пойдем в машину.

Я пошла за ним, а следом за мной, как заколдованные, потянулись на улицу миссис Лофман и ее подруги. Мы сели в большую мощную машину с открытым верхом — такой автомобиль был как раз под стать мистеру Горингу. Он махнул на прощание дамам рукой и нажал на педаль акселератора. Настроение Джефа сразу изменилось, когда мы остались одни. Улыбка исчезла, он хмуро сдвинул брови и сосредоточился на дороге.

Придерживая развивающиеся волосы, я спросила:

— Куда мы едем?

— В аэропорт.

— Мы полетим на самолете?

— На паром нет времени. Мне нужно быть на острове к вечеру.

— Полетим на самолете, — повторила я, оглушенная этой новостью. — Мне еще никогда не приходилось летать на самолете.

Джеф бросил на меня странный взгляд, который не сулил мне ничего хорошего. Всю дорогу до аэропорта мы хранили молчание, я исподтишка рассматривала его и заметила на правой щеке несколько родинок, они располагались на одинаковом расстоянии друг от друга и составляли ровный треугольник.

— Что ты там рассматриваешь, Александра?

— Да так, ничего, — смутилась я, застигнутая врасплох, — у тебя родинки образуют треугольник, если их соединить.

Джеф опять бросил на меня взгляд, который невозможно было прочесть, я съежилась и совсем перестала смотреть в его сторону.

— Тебе всегда нравилось водить пальцем по этим родинкам, — тихо сказал Джеф. Настолько тихо, что казалось, я ослышалась.

Самолет был маленьким, издавек он и вовсе казался игрушечным. Всего несколько посадочных мест. Наконец все приготовления к полету были закончены, пассажиры рассажены, дверь закрыта. Винты стали раскручиваться — сначала медленно, а потом быстрее и быстрее, пока шум не превратился в один монотонный гул. Самолет разбежался и взмыл ввысь. Я закрыла глаза от страха, досчитала про себя до 180 — прошли опасные, критические три минуты после взлета. Немного расслабившись, я увидела в иллюминатор землю, становившуюся все дальше и меньше. Почти все остальные пассажиры уткнулись в утренние газеты. Джеф, сидевший рядом со мной, задремал или сделал вид, что дремлет. Под нами зеленым ковром расстилались квадратные луга и вспаханные поля, узкой извилистой ниточкой тянулась дорога. Она петляла между лугов и лесов, бежала вдоль озер и гор, завлекая нас следовать по ней. Но мы вскоре поднялись еще выше и оказались над облаками, глаза слепило яркое солнце. Это было удивительно — лететь настолько высоко над землей, что облака пушистыми краями обнимали самолет и уютно качали его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.